

ДЕТЕКТИВНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ШКАТУЛКА ПАНДОРЫ

**АНДРЕЙ
ЦУЛЯХОВ**

Детективный психоанализ

Андрей Шляхов

**Психоаналитик.
Шкатулка Пандоры**

«Яуза»

2013

Шляхов А. Л.

Психоаналитик. Шкатулка Пандоры / А. Л. Шляхов — «Яуза»,
2013 — (Детективный психоанализ)

Казалось бы, что нового можно сказать в детективном жанре, где все сюжеты стары как мир? Однако такого детектива, как этот, еще не было! Впервые **СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ПСИХОАНАЛИТИК!** Если раскрыть загадочное убийство не в состоянии ни полиция, ни частные сыскные агентства, когда заходят в тупик лучшие асы уголовного розыска и самые опытные судмедэксперты, раз нет ни улик, ни свидетелей, ни доказательств – вся надежда на уникальные методы и профессионального врача-психоаналитика. Только он может проложить путь через лабиринты подсознания, пролив свет на самые темные закоулки мозга и тайники памяти. Только с помощью психоанализа удастся пробиться через психические блоки и заглянуть в душу убийцы. Но какую цену придется заплатить за правосудие? Готов ли врач-детектив поставить на кон не только профессиональную репутацию, но и собственную жизнь? Не пожалеет ли, что открыл «шкатулку Пандоры»?..

© Шляхов А. Л., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

1	6
2	12
3	19
4	27
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Шляхов

Психоаналитик. Шкатулка Пандоры

– Не знаю, много ли правды в том, что вы говорили, – задумчиво заметил генерал, – но знаю наверное, что вы нестерпимо начинаете форсировать, чуть лишь вам капельку позволят забыться...

Ф. М. Достоевский. «Игрок»

Каково это – играть со смертью, как с котенком, забавляясь сознанием своего могущества?

Каково это – проникать в дальние закоулки чужого сознания, открывать давно и навсегда запертые двери и ужасаться увиденному там? Да, в знании может крыться не только печаль, но и ужас, а опрометчивые исследователи чужих умов могут запросто лишиться своего.

Главный вопрос психоаналитического детектива не «кто виноват?», а «почему?». Только тот, кто понимает мотивы, управляющие другими людьми, может считать, что он знает людей.

Свобода выбора существует, потому что мы сами делаем выбор.

Никакой свободы выбора не существует, потому что выбор делаем не мы, а что-то внутри нас.

Свобода выбора в отказе от выбора как такового. Пройти мимо – только в этом свобода. И ни в чем ином.

Только можно ли пройти мимо себя?

Пройти и не поинтересоваться: «А что там внутри?»

1

Смерть пугает всегда. Скоропостижная – в особенности.

Сидит человек, обедает в узком семейном кругу, шутит, улыбается и вдруг закатывает глаза, хрипит, роняет нож с вилкой, падает лицом в тарелку с недоеденной тушенной в сметане печенкой и перестает реагировать на происходящее.

– Ма-а-акс! – укоризненно протянула женщина, сидевшая напротив. – Что за глупые шутки?

Правильный уход за лицом и искусный макияж способны творить чудеса. Женщина выглядела лет на тридцать и только по набухшим венам на руках можно было догадаться о том, что на самом деле она гораздо старше. Сидела женщина не на стуле, а в инвалидной коляске. Ноги ее были укрыты красным пледом в крупную клетку, совершенно не сочетавшимся с элегантным черным платьем. На тарелке перед ней лежал одинокий стебель спаржи, от которого она только что отрезала кусочек, но еще не успела отправить его в рот.

Максим Велманский под настроение мог пошутить, иногда очень остроумно, иногда – жестоко, но сейчас он, кажется, не притворялся. Уткнулся в тарелку, бликуя бритым черепом, безвольно свесил руки вниз и не шевелился.

– Макс! – строже и в то же время растеряннее повторила женщина в инвалидной коляске.

– А-а-а! – закричала третья участница обеда, закрывая руками красивое лицо с внезапно искажившимися чертами.

На ее крик, быстро перешедший в истошный вопль, прибежали горничная и домработница, она же – повар. Впрочем, хозяин дома, приверженец старинных традиций, просто бредивший девятнадцатым веком, предпочитал именовать ее не поваром, а кухаркой. Он и жену свою никогда не называл женой, предпочитая церемонное «супруга», а порой еще более церемонное «моя благоверная». Чуть позже прибежал водитель Велманского.

Минут пять в столовой царил суматоха, потом горничная выкатила коляску с женщиной, повторявшей: «Нет, нет, не может быть, нет, нет», домработница увела ту, что кричала (теперь она только всхлипывала), а водитель вызвал «Скорую» и полицию. Потоптавшись немного возле мертвого хозяина, он покачал головой и сказал вслух:

– Где стол был яств, там гроб стоит¹.

Водитель считал себя интеллигентным и образованным человеком. До того как ринуться в пучину предпринимательства, откуда едва удалось выбраться живым, он два года проучился на факультете управления Тверского университета.

Покойник никак не отреагировал на цитату из классики. Водитель подошел к окну, снова достал из кармана пиджака мобильный, нашел нужный номер, позвонил и, как только ему ответили, тихо и быстро сказал:

– Марина, это Юра. Максим Витальевич сегодня не сможет приехать. Он вообще больше никогда не приедет, потому что, кажется, умер.

«Кажется» было условной данью традициям, согласно которым смерть положено констатировать врачам. Мало ли что, вдруг это какой-то летаргический сон. Некоторых даже похоронить заживо умудряются.

Собеседница ахнула, давая понять, что информация дошла по назначению. Водитель поспешил отключиться, не желая отвечать на глупые вопросы или выслушивать истерику. Он свое дело сделал – позвонил, предупредил.

---

¹ Из оды «На смерть князя Мещерского» (1779) Г.Р. Державина.

От созерцания унылого в своем благообразии заоконного пейзажа – дорожки, клумбы, треугольный газончик, дом напротив – его отвлек едва слышный скрип дверных петель. В открытую дверь заглянула раскрасневшаяся горничная.

– Юр, «Скорая» еще не приехала? – спросила она, стараясь не смотреть на сидевшего за столом покойника. – Тамаре Витальевне с сердцем плохо и давление подскочило.

– Нет, как видишь! – грубовато ответил водитель, мучимый своей принадлежностью к обслуге и считавший себя выше и значимее прочих. – Как приедут – скажу, но ты лучше еще один вызов сделай, попроси, чтоб кардиологическую бригаду прислали.

У загородных коттеджных поселков, при всей их элегантной элитарности, есть один существенный недостаток – удаленность от Москвы. Поэтому в экстренных случаях приходится надеяться на местную «Скорую помощь», потому что «платная» бригада из столичного медицинского центра, лети она хоть на крыльях, приедет позже.

– А ты кого просил прислать?

– Никого! – рявкнул водитель. – Просто сказал, что человек посинел и умирает!

Горничная фыркнула и скрылась за дверью.

Водитель простоял у окна до тех пор, пока к дому, мигая синим маячком, не подъехала машина «Скорой помощи». Взглянув сначала на часы, а потом на покойника, он пошел встречать гостей...

В половине девятого вечера дом опустел. Увезли тело, уехали сотрудники полиции, водитель довез домработницу до платформы и сам покатил домой. Демонстрируя свое рвение, он намекнул на то, что мог бы заночевать в хозяйском доме, вдруг что понадобится, но хозяйская жена, то есть теперь уже не жена, а вдова, твердо, даже немного жестко отвергла это предложение. Она бы, будь на то ее воля, и горничную своей золовки отпустила, чтобы в кои-то веки пообщаться с «родственницей» без свидетелей и без подслушивающих. Но горничная подчинялась не ей и вообще была нанята «с проживанием», чтобы практически безотлучно находиться около своей хозяйки. «Около» в буквальном смысле, потому что комната горничной находилась напротив трехкомнатных «апартаментов» Тамары Витальевны, которые та покидала крайне редко, разве только ради встреч с гостями или семейных воскресных обедов, как сегодня.

Увы, от горничной отделаться не удалось, поэтому разговор между вдовой хозяина дома и его сестрой велся вполголоса. Бурные эмоции проявлялись не криком, а шипением и неприязнью во взгляде. Неприязнь была обоюдной, давней и стойкой, такой, что произошедшая трагедия обострила ее, хотя принято считать, что общее горе сближает.

Горя, впрочем, как такового не было. Было потрясение, вызванное лицемерием чужой смерти, было сознание того, что привычный порядок нарушен и больше не восстановится, было беспокойство – а не преподнесет ли судьба в скором будущем кое-какие сюрпризы, хотя бы с завешанием. А вот горя не было, ибо нежных или пусть не очень нежных, но все же позитивных чувств к покойнику никто не испытывал. Максима Велманского любил только один человек – он сам. Все остальные его недолюбливали, не любили или даже ненавидели. И чем ближе – тем сильнее.

– Не спишь? – с вызовом и как-то свысока спросила вдова, заходя к золовке без стука.

Не постучалась она намеренно, чтобы досадить лишний раз и с самого начала обозначить намерения – не с миром я пришла, совсем не с миром.

– Не сплю! – так же с вызовом ответила Тамара Витальевна. – А тебе что, тоже не спится?

В свой вопрос она вложила все презрение, на которое только была способна. Хотела еще добавить «на радостях», но в последний момент удержалась. Это бы прозвучало уже неприлично, а Тамара Витальевна старалась соблюдать приличия всегда, в любой ситуации. В отличие от своей невестки, которая больше руководствовалась не приличиями, а собственными желаниями и эмоциями.

Вдова прошла к стоявшему в углу креслу (комнату намеренно не загромождали мебелью, чтобы коляска передвигалась свободно, без помех), села в него, закинула ногу на ногу, склонила голову набок и спросила:

– Ну, как мы теперь будем жить?

Красивые карие глаза ее сузились, верхняя губа капризно дрогнула. Хотя, возможно, это был нервный тик.

– Так же, как и раньше, – прошипела Тамара Витальевна. – Стучаться, перед тем как войти, входить и садиться по приглашению... Дальше продолжать или и так ясно?

– Спасибо за напоминание, но я не об этом, – вдова усмехнулась и качнула головой. – Я в глобальном смысле. Максима уже нет, а мы остались. Тебе не кажется, что мы должны обсудить, как нам жить дальше?

– Как нам жить? – переспросила Тамара Витальевна, приподняв брови так, что они едва не скрылись под челкой. – Хм! Хороший вопрос. Я думаю, что до сороковин ты останешься здесь, а потом съедешь, и, я надеюсь, мы с тобой больше не увидимся. На годовщину к Максимуму можешь не приходить. Я не обижусь, и он, мне кажется, тоже.

– Чего-то такого я и ждала, – вдова страдальчески вздохнула и выдержала небольшую паузу, словно осмысливая услышанное. – Непонятно только, почему я должна съезжать? А?

– Потому что я не хочу тебя видеть! – Тамара Витальевна вцепилась руками в подлокотники кресла и подалась вперед. – Потому что тебе здесь нечего делать! Потому что я терпела тебя только ради брата! Он был мужчиной. Ему были нужны твои сочные губки, твои упругие сиськи, твои ненасытные дырки и его совершенно не интересовало, что у тебя здесь и здесь!

Большим пальцем правой руки Тамара Витальевна ткнула себя в левую половину груди, коснулась указательным пальцем лба и снова схватилась за подлокотник. Искусно и тщательно скрытые годы проступили на ее искаженном от гнева лице, и теперь было видно, что Тамаре Витальевне хорошо за пятьдесят. Настолько хорошо, что до шестидесяти рукой подать.

Ее выпад, не лишенный некоей, хоть и весьма своеобразной, комплиментарности, казался, совершенно не задел собеседницу.

– Чисто гарпия! – издевательски ухмыльнулась она. – Были бы крылья – так взлетела бы!

Воспитанные люди никогда не позволяют себе шуток по поводу чьих-то ограниченных возможностей. Но ведь можно сказать про крылья, имея в виду ноги, причем сказать так, чтобы скрытый смысл прозвучал явственно-явственно.

– Я не совсем правильно задала вопрос, – продолжила вдова. – Мне не совсем понятно, почему съезжать должна я? Неужели ты видела завещание? Когда это ты, интересно, успела?

– Мне сегодня было не до завещания, – делая ударение на слове «мне», ответила Тамара Витальевна. – Но Макс тысячу раз говорил мне, что дом останется моим! В любой ситуации! При любом повороте событий! Что бы ни случилось!

– Знала бы ты, сколько всего он говорил мне, – осадила ее вдова. – Макс вообще любил поговорить, наобещать. Но когда дело доходило до выполнения своих обещаний...

– Тварь! – сверкнув глазами, прошипела Тамара Витальевна, и громкий шепот ее отозвался гулким эхом. – Курва! Б...дь из Старого Оскола!

Приличия приличиями, а эмоции не всегда удается сдерживать.

– Да, я приехала в Москву из Старого Оскола, когда мне было шесть лет, и не стыжусь этого! – парировала вдова. – В отличие от некоторых, которые страшно стесняются своего родного Егорьевска и при каждом удобном случае начинают кудахтать насчет того, какие они коренные москвичи. Ах-ах-ах, в восьмом поколении! А уж насчет б...ей я бы промолчала. Это гнилой стереотип – если женщина красивая и мужикам нравится, – вдова игриво качнула ногой, – то, значит, б...дь. Зависть в чистом виде.

– За-а-ависть?! – захлебнулась гневом Тамара Витальевна. – Ну и сука же ты, Анька!

– Тварь, курва, б...дь, сука... – Анна перестала загибать пальцы и выжидательно уставилась на Тамару Витальевну. – Я вообще-то пришла не для того, чтобы выслушивать оскорбления...

– Оскорбления ей не нравятся?! – Тамара Витальевна по-прежнему удерживалась от того, чтобы сорваться на крик, но во всем прочем уже не соблюдала приличий; не считала нужным соблюдать. – Да ведь это ты убила Макса!

– Неужели? – верхняя губа Анны снова дрогнула, а лицо начало наливаться краской. – И как же это я его убила?

– Тебе лучше знать как! Ты высосала из него не только кучу денег, но и все силы! Он сидел на стимуляторах! Старался соответствовать твоим запросам! Ха-ха-ха!

Притворный смех был похож на карканье. Вдобавок Тамара Витальевна театрально подняла руки кверху, и широкие рукава специального платья, которое легко было надевать и снимать, напомнили Анне крылья.

– Да по твоим запросам целой роты мало! Вибраторов полон шкаф! Довела мужа до сердечного приступа и теперь от меня хочешь отделаться! Не выйдет! Это я вышвырну тебя отсюда, а то и за решетку упеку!

– Заткнись! – прошипела Анна. – Мне за решеткой делать нечего, потому что мне не было смысла убивать мужа, который носил меня на руках и при этом пылинки с меня сдувал! Не было у меня мотива! А вот у тебя, кажется, был мотив, и, может быть, не один!

– Что ты себе позволяешь?! – Тамара Витальевна, будучи не в состоянии топнуть ногой, хлопнула ладонью по подлокотнику. – Придержи язык, тварь!

– Зачем мне придерживать язык? – ехидно поинтересовалась Анна. – Ты же свой не придерживаешь. Совсем не придерживаешь, несешь какую-то чепуху, перемежая ее оскорблениями. Расскажи лучше, о чем вы вчера так громко беседовали, что мне в спальне было слышно. Всех слов я не разобрала, но то, что Макс пообещал оставить тебя с голой ж...ой, слышала прекрасно. За что, интересно, он так на тебя осерчал? Может, расскажешь?

– Это наши семейные дела! – отрезала Тамара Витальевна, откидываясь на спинку кресла и окидывая Анну взглядом, в котором смешались ледяное презрение и жгучая ненависть. – Тебе о них знать незачем!

– Ах, да, это только тебе положено знать обо всем! – с бьющим через край сарказмом ответила Анна. – Ты знаешь даже о моих вибраторах, несмотря на то что никогда не поднимаешься на второй этаж! Небось Раиска проболталась?

Тамара Витальевна предпочла оставить вопрос без ответа.

– Да мне без разницы, кто тебе рассказал – Раиска или сам Макс, – продолжила Анна. – Меня интересует другое – за что Макс на тебя разозлился? И не причастна ли ты к его смерти?

– Да что ты несешь?!

– Примерно то же, что и ты, – спокойно ответила Анна. – Только у меня есть кое-какие основания для подозрений. В отличие от тебя. Уж я-то прекрасно знаю, насколько сильно вы с Максом ненавидели друг друга. Мне-то можно очки не втирать, я ведь тоже член семьи.

– Член! – фыркнула Тамара Витальевна. – Именно что член! Держась за член моего любвеобильного брата, ты вошла в этот дом... Бедный Макс! Я понимаю – седина в бороду, бес в ребро, но нельзя же быть слепым до такой степени! Бедный, бедный Макс!

Она схватилась руками за голову, прикрыла глаза и замерла в такой позе, словно окаменев от горя.

– Придумываешь, что бы половчее соврать? – поинтересовалась Анна, нисколько не тронутая увиденным. – Или намекаешь на то, что разговор окончен? Но разговора как такового еще не было.

– Боже мой! – тихо, едва слышно, сказала в пространство Тамара Витальевна. – Я сегодня потеряла брата...

– А я – мужа, – так же тихо вставила Анна.

– У меня была «Скорая»... Меня изводил дурацкими вопросами какой-то капитан...

– Меня он тоже изводил. Теми же самыми вопросами.

– И после этого приходишь ты...

– А почему бы мне не прийти? – Анна пожала плечами в непритворном удивлении. – Макса больше нет, и чем раньше мы определимся...

– Нам не в чем определяться! – перебила Тамара Витальевна. – Мы – совершенно чужие друг другу люди! Нас связывал Макс, чисто символически, но связывал. А теперь его нет, и мне, по крайней мере, незачем притворяться, что я испытываю к тебе какие-то родственные чувства!

– Родственные чувства?! – словно не веря своим ушам, переспросила Анна. – О каких чувствах может идти речь? Ты никогда не скрывала своего отношения ко мне! Всегда пыталась уесть, унижить, ущипнуть! Когда это ты притворялась? Может, когда подарила мне на день рождения эту жуткую репродукцию тициановской Магдалины? Такой прозрачный-прозрачный намек на мое бурное прошлое... Или когда принародно называла меня шалавой и хабалкой? Ты о чем, Тамара? Кого ты хочешь ввести в заблуждение? Оглянись, кроме нас с тобой, здесь никого нет!

– Бедный Макс! – прочувственно повторила Тамара Витальевна.

– Бедный, – согласилась Анна. – Прожить всю жизнь бок о бок с такой змеей, как ты, и не повеситься...

– Зачем ты пришла? – перебила Тамара Витальевна. – Извела Макса, а теперь хочешь и меня добить? Чего тебе надо?

– Я никого не изводила и никого не собираюсь добивать, – Анна поморщилась, давая понять, насколько ей надоели беспочвенные обвинения золовки. – Я пришла обсудить насущные вопросы. Во-первых, организацию похорон. Во-вторых...

– Организацией похорон займусь я! – твердо сказала Тамара Витальевна. – Дальше можешь не продолжать, «во-вторых», «в-третьих» и «в-десятых» мы можем обсудить потом. Если нам с тобой вообще будет что обсуждать... Надо еще узнать, какое завещание оставил Макс!

– Имей в виду, что по закону убийца не может наследовать имущество убитого им лица, – Анна встала. – Это называется «недостойный наследник». Ты не подумай, я ни на что не намекаю, это так, в рамках общего развития. Просто странно все это – вчера вы с Максом крупно повздорили, можно сказать – поскандалили, а сегодня он скоропостижно скончался от острой сердечно-сосудистой недостаточности. Наводит на размышления, не так ли?

– То же самое я могу сказать и о тебе! – Тамара Витальевна оглянулась по сторонам, будто в поисках чьей-то поддержки. – Вы постоянно выясняли отношения...

– Макс был таким ревнивым, – Анна закатила глаза и покачала головой. – А еще его заводили скандалы! После них он становился таким... пылким. Последняя ночь, кстати, не была исключением из правил. Прямоком от тебя он поднялся наверх и сразу же потащил меня в спальню снимать напряжение. И знаешь, что он сказал мне?

– Не знаю и знать не хочу!

– Что все вокруг сволочи, одна я человек!

Грაციозно покачивая бедрами, Анна вышла в коридор, закрыв за собой дверь немного резче, чем требовалось.

– Сволочь! – прошептала Тамара Витальевна. – Такая же сволочь, как и Макс! Все вокруг сволочи...

Какими бы разными ни были люди, но на чем-нибудь они непременно сойдутся во взглядах.

Тамара Витальевна переехала из гостиной в ванную, а оттуда в спальню. Ее коляска имела электрический привод, но в минуты гнева Тамара Витальевна им не пользовалась, предпочитая вращать колеса руками, чтобы дать хоть какой-то выход негативным эмоциям. Не в голос же выть, в конце концов, чтобы невестка, будь она трижды проклята, слушала и радовалась.

Подъехав к кровати, Тамара Витальевна застопорила кресло, но перебираться с него в кровать не торопилась. Поставила локоть на подлокотник, подперла запястьем дрожащий подбородок и долго просидела в такой позе, размышляя о том, как ей теперь жить дальше. Точнее не как, а кем – полноправной хозяйкой своей жизни, такой нескладной, но все же своей, или зависимым существом.

Все зависело от завещания, которое оставил ее брат. Если он вообще оставил какое-то завещание, несмотря на то что часто о нем упоминал. Верить Максиму на слово было, мягко говоря, опрометчиво, он принадлежал к тем людям, про которых принято говорить «соврет – недорого возьмет». А еще он был человеком настроения, что, в общем-то, нехарактерно для бизнесменов его масштаба, привыкших твердой рукой обуздывать свои эмоции и сглаживать перепады настроения. Возможно, что на работе Максим был именно таким, Тамара Витальевна никогда не видела брата в рабочей обстановке, но дома он вел себя по-всякому, как заблагорассудится. Только в одном брат проявлял постоянство – в подчеркивании того, что он никому ничего не должен. Тамара Витальевна прекрасно понимала, для кого это говорилось, но неизменно делала вид, что это заявление не имеет к ней никакого отношения. Она предпочитала демонстрировать позитивное отношение к жизни, делала вид, что не обращает внимания на то, на что его не стоит обращать, что не помнит обид, но обиды все копились да копились, и когда-то их количество, согласно законам диалектики, должно было перейти из количества в качество. Иначе говоря – в определенный момент уже невозможно притворяться всепрощающей, не помнящей зла особой. Сквозь тонкий налет цивилизованности проглянет такая фурия², что только держись!

---

² Фуриями в Древнем Риме назывались три богини мщения (древние греки называли их эриниями). Драматург Эсхил изобразил их отвратительными старухами со змеями вместо волос и налитыми кровью глазами.

2

Принято считать, что дни «не залаживаются» с утра. Так и говорят: «День сегодня дурной, с утра не заладился». На самом деле все начинается не с утра, а с ночи. Дурная ночь предвещает дурной день, и никак иначе.

Сначала все было хорошо. Михаил быстро, нигде не «застаиваясь», доехал до дома, пожарил себе отбивную с картошкой, вкусно поел, выпил два стакана терпкого зеленого чая, почил на сон грядущий Фолкнера (прекрасное снотворное, не имеющее побочных эффектов и не вызывающее привыкания) и сам не заметил, как уснул.

А потом пришел Ночной Кошмар.

Как обычно, вначале кошмар маскировался под счастливый безмятежный сон из детства. Эх, научиться бы просыпаться в этот момент... Увы, всякий раз Михаил велся на приманку – радостно уходил в сон, смеясь, бежал вверх по лестнице и натыкался там на кровавую мешанину раздавленных и покореженных тел, как будто огромный асфальтовый каток проехал по толпе. Оцепенев от страха, он застывал на верхней ступеньке и смотрел на головы, туловища и конечности, будучи не в силах оторвать от них взгляд. Стоял до тех пор, пока останки не приходили в движение и не начинали медленно подбираться к нему. Тогда Михаил кубарем скатывался вниз, с нарастающим ужасом слыша, как за спиной стучат по ступенькам головы и шлепают руки и ноги. «Не уйд-д-деш-ш-ш-шь», – звучало в ушах. Внизу Михаил оглядывался и понимал, что действительно не уйдет. Окруженный грудой окровавленной плоти, которая уже начинала нависать над его головой гигантским гребнем, Михаил прыгал вниз, в черную непроницаемую водную гладь. Летел и понимал, что обратно уже никогда не выберется, что сейчас утонет, завязнет, погибнет...

Просыпался он за мгновение до гибели, в тот самый миг, когда ноги его касались воды. Просыпался в холодном поту. Сердце билось так, что вот-вот – и выскочит из груди. Руки и ноги были ватными, онемевшими. Минут пять-шесть приходилось лежать в постели, понемногу приходя в себя. А на грядущем дне можно было спокойно ставить крест, потому что было ясно, что ничего хорошего этот грядущий день Михаилу не приготовил и не приготовит.

Первая пациентка опоздала на десять минут, вторая пришла в крайне возбужденном состоянии, потому что утром поссорилась с мужем, третья выразила недовольство тем, что время идет, деньги тратятся, а воз ее проблем и ныне пребывает там, где и раньше.

– Я понимаю, Михаил Александрович, что психоанализ – дело долгое, но все же есть предел! Вы обещали мне спокойную жизнь!

Психоаналитик помогает человеку осознать проблему, чтобы избавиться от нее. Он не утешает, он ведет к спокойствию, если можно так выразиться. Ну, во всяком случае, пытается к нему привести. Психоаналитики вежливы и доброжелательны (профессиональные требования как-никак), но не всегда они добры. Иной раз совсем не добры, когда говорят пациенту то, о чем он предпочел бы не слышать. Психоанализ – это работа, совокупность действий, приводящая к определенному результату, а не бесконечное и, поверьте, бессмысленное вытирание чужих соплей своей потертой жилеткой. Брать за это деньги неприлично, потому что никакой это не психоанализ.

– Я обещал помочь вам научиться спокойнее реагировать на происходящее, – поправил Михаил.

– Ах уж эти ваши вечные отговорки! – вздохнула пациентка. – Ладно, подожду еще немного...

Ах, если бы можно было прочищать мозги так же легко и просто, как стоматологи удаляют с зубов камень. Полчаса – и готово! Тогда бы все пациенты были довольны.

После ухода недовольной пациентки Михаил походил по комнате, чтобы размять затекшие от долгого сидения ноги, постоял немного у окна, за которым шумела узкая и оживленная Покровка, полюбовался на чахлую городскую зелень – все одно лучше голых веток.

Ах уж эти престижные офисы в центре – сплошная жертвенность! Вечные пробки, из-за которых раньше девяти вечера уезжать из офиса нет смысла, а приезжать лучше не позже восьми. Двухэтажное здание, построенное сто двадцать лет назад, давно уже дышит на ладан. Страшно вспомнить, в какую сумму обошелся ремонт двух комнат – приемной, в которой до сих пор не было секретарши, и кабинета! А чего стоила обстановка! Но зато результат впечатляет всех, даже самых убежденных снобов.

От созерцания отвлек телефонный звонок. Михаил подошел к столу, снял трубку стационарного аппарата, поднес ее к уху и тут же поморщился, словно у него внезапно заболел зуб.

– Наконец-то! Зачем иметь четыре телефона, если ни по одному до тебя нельзя дозвониться?!

«Четыре? – удивился Михаил. – Ну, да, если считать вместе с домашним, то получается четыре».

– Я в последний раз предлагаю тебе решить вопрос мирным путем! Ты согласен? А то ведь хуже будет...

– Илона, все вопросы мы давно уже решили, – спокойно напомнил Михаил, – нам больше нечего решать. Во всяком случае, мне так кажется...

Если во время развода ты ведешь себя благородно, соглашаешься на все выдвинутые условия, не размениваешь трехкомнатную квартиру в Токмаковом переулке, не претендуешь ни на что, кроме своих личных вещей и своего личного автомобиля, то вправе ожидать если не признательности, то хотя бы отсутствия упреков и претензий. Напрасно. Готовность идти на уступки может быть расценена как попытка откупиться малой кровью, скрыть нечто несоразмерно большее. Бывшая жена решила (сама или кто-то подсказал, это уже не столь важно), что Михаил, пребывая в браке, скрывал от нее большую часть своих доходов, и настойчиво требовала поделиться с ней «честно». Поделиться банковскими вкладами, недвижимостью и всем остальным, что было приобретено на эти несуществующие доходы. Никаких доказательств у нее не было, одни подозрения, мгновенно переросшие в уверенность. «А на какие шиши ты сразу купил себе квартиру?» – интересовалась она в качестве *ultima ratio regum*³. И бесполезно было объяснять, что однушка в Свиблове была куплена на деньги, вырученные от продажи наследственной родительской дачи. Точнее – куплена, да не выкуплена, потому что на две трети необходимой суммы пришлось брать ипотечный кредит. Михаил показывал договоры купли-продажи и договор с банком, но жена артистично фыркала и заявляла, что таких филькиных грамот сама может изготовить сколько захочет. Хуже всего было то, что по примеру всех не очень умных матерей она активно начала настраивать их ребенка против отца. «Папа жадный, он хочет, чтобы мы жили в бедности», – звучало рефреном. Дай бог каждому такую бедность, и бедных вообще не останется. Михаил дважды начинал серьезный разговор, но сразу же наткнулся на непробиваемое: «Если не хочешь выглядеть жлобом в глазах собственного ребенка – делись!»

Сапожнику положено быть без сапог, классический окулист немислим без очков, а психоаналитик, будь он хоть трижды корифей и внучатый племянник дедушки-основоположника Фрейда, просто обязан иметь проблемы с близкими родственниками. Иначе никак. Иначе душа погрязнет в блаженном спокойствии, обленится, утратит способность понимать и сострадать. Михаил мог найти общий язык с кем угодно, вплоть до чиновников и инспекторов ГИБДД, но не с Илоной. Глупо было бы винить в этом ее, лучше бы – себя. Профессионал, а до жены достучаться не смог, ключика нужного за все время так и не подобрал...

---

³ *Ultima ratio regum* – последний довод королей (*лат.*).

– А мне кажется совсем другое! – заорала в трубку жена. – Ты что, на самом деле думаешь, что я все так и оставлю?! Ты плохо меня знаешь...

– К сожалению, у меня больше нет желания узнавать тебя лучше, – вежливо сказал Михаил и положил трубку.

Через несколько секунд отозвался «Турецким маршем» рабочий мобильник. Затем ожил личный. С мобильными просто – видишь, кто тебе звонит, и не отвечаешь. Был уговор, строгое правило – по будням звонить или до девяти утра или после девяти вечера, чтобы не мешать сеансам, но Илона соблюдала лишь те правила, которые устанавливала сама. Как только личный мобильник замолк, тут же зазвонил стационарный телефон.

На рабочем стационарном телефоне, в отличие от домашнего, определителя номера не было (собеседникам давалась возможность сохранить свою приватность), но Михаил не сомневался, что это снова звонит Илона. Подавляемые эмоции вырвались на свободу – он рывком снял трубку и не самым вежливым тоном сказал, а точнее, рывкнул:

– Не звони мне никогда на работу! Ясно тебе?!

– Здравствуйте, – ответил незнакомый женский голос, меццо-сопрано с легкой хрипотцой. – Михаил Александрович?

– Да, – забыв поздороваться, ответил Михаил, чувствуя, как начинают гореть уши.

– Меня зовут Тамара Витальевна, – представилась незнакомка. – Можно просто Тамара, я не очень люблю, когда меня называют по имени-отчеству. Сразу чувствую себя такой... взрослой. Извините, не буду больше отвлекаться. Я звоню вам по делу. Кажется, мне нужна помощь психолога...

Запоздало рассыпавшись в извинениях (хорош психолог – рывкает на кандидатов в пациенты, как управдом старой формации!), Михаил пригласил Тamarу к себе в офис.

– Мы можем встретиться сегодня вечером, в половине восьмого, если вам удобно. Познакомимся и все обсудим.

– Мне удобно сегодня вечером, – ответила Тамара. – У меня вообще много свободного времени, только вот приехать к вам в офис я не смогу. Я не в состоянии передвигаться самостоятельно. Последствия давней, детской еще, травмы позвоночника. Так что встретиться мы сможем только у меня. И скажу сразу, что живу я за городом. Как шутил мой покойный брат – на границе ближнего и дальнего Подмосковья.

– Это немного меняет дело, – осторожно начал Михаил. – Вообще-то я не практикую выездные сеансы...

– У меня другая информация, – мягко перебила Тамара. – Сергей Леонидович рассказывал, что вы работали на дому с его женой.

Было такое дело. Женщина в глубокой депрессии наотрез отказывалась выходить из дома, потому что боялась, что за пределами родных стен с ней непременно случится что-то плохое. «Коллега»-психиатр посоветовал мужу пациентки подключить к лечению жены психоаналитика. Муж, владелец какого-то нефтяного бизнеса, сделал Михаилу предложение, от которого просто невозможно было отказаться. Не угрожал, нет, совсем наоборот. Узнал обычную цену «офисного» сеанса и сказал, что готов оплачивать выезд в пятикратном размере. С учетом затрат на дорогу туда и обратно все равно получалось очень хорошо. Михаил согласился сделать исключение.

– Было такое, – признал Михаил, чувствуя себя еще более неловко – нахамил в самом начале разговора, а теперь еще, получается, соврал и был пойман на лжи. – Но всего один раз за всю мою практику.

Какой смысл заниматься разъездами, если клиентура и так есть? К тому же выездная работа резко сокращает количество пациентов, а это плохо с маркетинговой точки зрения. Пять обычных пациентов всегда предпочтительнее одного надомного, платящего в пять раз больше. Пациенты нередко «соскакивают с анализа», то есть прекращают сеансы по своей иници-

циативе. Пятерых сразу не потеряешь, а вот потеря одного надомного пробивает в бюджете психоаналитика солидную брешь.

– А для меня вы не сделаете исключения, Михаил Александрович? – как-то очень по-свойски поинтересовалась Тамара. – Я понимаю, что это будет стоить дороже, но деньги для меня не проблема. Вернее – это самая мелкая из моих проблем. Я в курсе вашего «выездного» тарифа и заранее согласна на любое удобное вам время, начиная с восьми утра. Хотя в одиннадцать часов вечера, все равно я раньше двух не ложусь.

– Хорошо, – после недолгой паузы сказал Михаил. – Сегодня вечером я могу приехать к вам часам к девяти, чтобы познакомиться и поговорить. Диктуйте, пожалуйста, адрес...

Сознательная мотивация этого решения крылась в желании загладить свою невольную грубость. Бессознательная, то есть неосознанная, заключалась в том, что Михаилу понравилась манера общения Тамары. Она разговаривала ровным дружелюбным тоном, не заискивала и не строила из себя вечно правую клиентку. Сразу создавалось впечатление, что разговариваешь с хорошей знакомой, а разве хорошим знакомым отказывают в помощи?

Ведомый всезнающим навигатором, Михаил без приключений добрался до нужного коттеджного поселка. Да, действительно, граница ближнего и дальнего Подмосковья, лучше и не скажешь. Едва он подъехал к дому, как на крыльце появилась молодая женщина в черном брючном костюме. Приветливо улыбнулась, пригласила следовать за собой и привела по длинному коридору (размеры домов в этом поселке впечатляли) к дверям Тамариной комнаты. Представиться не представилась, из чего Михаил заключил, что встретить его поручили кому-то из обслуживающего персонала.

Женщина не только была красивой, но и ходила красиво – уверенной, хорошо поставленной походкой. Мало кто умеет ходить красиво. У одних походка ходульная, другие не идут, а переваливаются с ноги на ногу, третьи косолапят, четвертые так виляют задом, что смотреть смешно, а при взгляде на нее сразу же вспоминалось из старого «Служебного романа»: «Походка свободная от бедра. Раскованная свободная пластика пантеры перед прыжком. Мужчины такую женщину не пропускают!»

Тамара оказалась совсем не такой, какой представлял ее Михаил, а ведь он считал, что способен составить по голосу довольно точное впечатление о человеке. Оказалось, что нет. Складка на переносице, опущенные вниз уголки рта, сжатые в ниточку губы, колющий взгляд глубоко посаженных глаз – все это совершенно не вязалось с тем образом, который сложился в воображении Михаила. И голос оказался другим, уже не таким дружелюбно-располагающим.

Объяснение могло быть только одно – во время телефонного разговора Тамара находилась под воздействием какого-то «удобрина», вещества, вызывающего эйфорию. Приглядевшись к капиллярной сети, проступающей на прямом, капельку длинноватом носу Тамары, Михаил решил, что она поднимает настроение алкоголем. Недурно так поднимает, принимая первую (первую ли?) порцию вскоре после полудня.

И еще улыбка. Улыбка у Тамары была холодной, нерасполагающей. Когда она улыбнулась в первый раз, Михаил подумал, что, наверное, зря согласился приехать. Проще, наверное, было бы извиниться за свое нечаянное хамство и свернуть разговор. Но, с другой стороны, клиенты лишними не бывают, особенно когда тебя угораздило вляпаться в ипотеку. И Тамара кажется вменяемой. И чисто с профессиональной точки зрения интересно поработать с человеком, возможности которого ограничены. Это, можно сказать, поистине бесценный опыт. Впрочем, любой опыт бесценен своей уникальностью.

– У меня много проблем, Михаил Александрович, как и у всех людей. Я всегда справлялась с ними сама, но после смерти брата впала в такую депрессию, из которой без посторонней помощи выйти уже, кажется, не смогу. У вас есть братья или сестры?

– Увы, – ответил Михаил, – я один сын у родителей. Но, как специалист, я представляю глубину вашей потери.

– Единственный брат. Надежда и опора. Свет в окошке, – Тамара заговорила отрывисто, сопровождая каждую фразу взмахом руки. – Много чего было между нами. Очень много. Но Макс был моим братом. И им же остается, несмотря на свою смерть. Я не могу смириться с этой мыслью, не могу ее принять... Кстати, Михаил Александрович, а может ли человек при помощи психоанализа избавиться от ненависти к кому-то из близких?

– Если захочет, то сможет, Тамара Витальевна.

Вопрос немного удивил Михаила, но он давно привык к тому, что клиенты задают самые неожиданные вопросы.

– Я же просила без отчества! – кокетливо поморщилась Тамара.

– Тогда и вы называйте меня Михаилом.

– Вас неудобно по имени, вы же как доктор...

– Я не доктор, – улыбнулся Михаил. – Я – ваш собеседник. Слушатель, партнер, поводырь, аналитик. Человек, в чьем присутствии можно выговориться, проговорить, осознать и в результате – преодолеть проблему, избавиться от нее. И мы должны общаться на равных. Это принципиально важно.

– Можно сказать – родной человек! – с саркастической улыбочкой поддела Тамара.

– Родные и близкие для этой цели не годятся, поскольку им не хватает специальных знаний, и, кроме того, они – свои, а своим, как это ни парадоксально, всего не скажешь, что-нибудь да утаишь.

– Да, вы правы, – согласилась Тамара. – Самые близкие люди в каком-то смысле являются и самыми далекими.

Первый сеанс – это не сеанс, а взаимная притирка. На первом сеансе больше говорит психоаналитик. Он объясняет пациенту правила взаимодействия, отвечает на вопросы, дает советы. Объясняет, что в психоанализе нет мелочей, объясняет, что задача пациента – рассказывать аналитику все, что только приходит в голову. Все-все, без исключения. Только так аналитик сможет разобраться во внутреннем мире пациента. «Представьте, что мы с вами едем в поезде, вы смотрите в окно и рассказываете мне обо всем, что видите» – это классическое сравнение. Политика максимальной откровенности.

А уже со второго сеанса начинает говорить пациент. Аналитик слушает, мотает на воображаемый ус, уточняет, анализирует, знакомит пациента с выводами и дает советы.

Проявляя гостеприимство, Тамара выехала в коридор, чтобы проводить Михаила до выхода, хотя он и заверил ее, что способен сам найти обратную дорогу. Впрочем, кто ее знает – может, она боится, что Михаил по пути зайдет в одну из комнат (дверей в коридоре было много) и украдет что-либо ценное – картину Рембрандта или, скажем, любимую чашку актрисы Фаины Раневской.

Выглядели проводы так – Тамара молча ехала впереди, а Михаил шел следом, заботясь о том, чтобы не наскочить на медленно катившуюся коляску. Перед самым выходом на улицу, там, где коридор, расширяясь, образовывал нечто вроде холла, они увидели женщину, которая встречала Михаила. Тамара резко остановилась (хорошо еще, что Михаил был начеку и обошлось без «аварии»), обернулась к Михаилу и сказала:

– Это Анна, вдова моего брата. Анечка, познакомься, это мой психоаналитик Михаил Александрович Оболенский. Теперь он станет часто бывать у нас...

По тому, как дрогнул голос на слове «Анечка» и по тому, как Анна смотрела на Тамару, Михаилу сразу стало ясно, как обе родственницы относятся друг к другу. Точнее не «как», а «насколько плохо».

– Очень приятно, – Анна улыбнулась и протянула Михаилу руку, – простите, что сразу не представилась...

– Сразу? – мгновенно насторожилась Тамара и завертела головой, переводя взгляд с Анны на Михаила и обратно.

Рука у Анны была теплой, мягкой и нежно-бархатистой. Михаилу вдруг захотелось поцеловать ее (проявить галантность, не более того), но он сдержался и ограничился осторожным пожатием. Психоаналитик, целующий ручки у дам, это как-то... несообразно, что ли. И немного смешно, а психоаналитики, так же, как, например, врачи, не могут позволить себе казаться смешными. Завтра же останешься без пациентов.

– Я встречала Михаила Александровича, – голос у Анны был томным, с пикантной леницей.

– Ты? – удивилась Тамара. – Почему ты? А Яна?

– На кухне чего-то там прорвало, и Яна со Светой были заняты.

«Вот почему мне не предложили ни чая, ни кофе», – подумал Михаил.

– Что прорвало?! – заволновалась Тамара. – Был потоп? А почему мне не сказали?

– Не хотели беспокоить, тем более что все уже позади. Я только что оттуда. Яна домывает пол, а Света чистит морковь для сока.

– Я очень люблю свежавыжатый морковный сок, – Тамара снова обернулась к Михаилу. – Он такой полезный! стакан утром, стакан вечером.

Анна улыбнулась и открыла уличную дверь. Михаил почувствовал нечто вроде признательности. Не хватало ему еще лекции о целебных свойствах морковного сока.

Тамара осталась в доме, а Анна вышла на крыльцо. Закрывает дверь, спустилась вниз, на мощенную булыжником дорожку, остановилась и спросила у Михаила, удивленного тем, что его провожали до машины:

– Скажите, пожалуйста, Михаил Александрович, а если пациент признается вам, что совершил преступление? Тяжкое? Например, убил кого-то. Что тогда? Вы станете рассказывать об этом или никому не расскажете?

Михаил настолько удивился, что чуть не выронил портфель. Впрочем, здесь, на чистенькой мощеной дорожке, ронять портфель было нестрашно. Тут можно было бы и посидеть без всякого ущерба для костюма.

Пока Михаил собирался с мыслями, Анна смотрела на него, слегка склонив голову набок и уперев в бок правую руку. Воинственность ее позы не осталась незамеченной Михаилом. С другой стороны, может это и не воинственность, а просто привычка.

– Наверное, не расскажу, – наконец-то ответил он.

– Но это же ваш гражданский долг! – с наигранным пафосом возразила Анна.

Михаилу показалось (чисто интуитивно), что интерес у Анны не празднично-отвлеченный, а имеет реальную подоплеку. Интуиции своей Михаил привык доверять.

– Если мой гражданский долг входит в противоречие с долгом профессиональным, то я предпочту следовать профессиональному. Пациент мне доверяет, и я не вправе обмануть его доверия. Взаимное доверие – краеугольный камень нашей совместной работы над проблемами.

– Хорошо, если так, – Анна едва заметно улыбнулась. – Ладно, не буду вас дольше задерживать, Михаил Александрович. Всего доброго и до следующих встреч.

Михаил уехал озадаченным и отчасти заинтригованным. Хотел было даже отказаться от сеансов – позвонить завтра утром, извиниться, сославшись на какие-нибудь обстоятельства, но передумал. Во-первых, отступать непрофессионально и недостойно. Во-вторых, не хотелось портить свою репутацию несерьезным отношением к делу. Сегодня согласился, завтра отказался – это же несерьезно, по-детски. В-третьих, Михаил чувствовал какую-то загадку, интригу, а любопытство – это серьезный стимул, весьма серьезный.

Была и четвертая причина. Михаила чем-то зацепила чувственная, не просто красивая, а эффектно-броская Анна, только он, переполненный впечатлениями, еще не успел этого осознать.

Вернувшись домой, Михаил вооружился ножом, в мгновение ока наделал себе гору бутербродов и сел ужинать. За ужином он обычно смотрел телевизор, бессистемно, по прин-

ципу «на что глаз ляжет», но сейчас почему-то стал думать об Анне. В эстетически-благо-склонном и немного восторженном ключе – «ах, какая красивая женщина!».

Внешность у Анны и впрямь была впечатляющей. Высокая, стройная, изящная, ноги, правда, чуточку коротковаты для такого роста и, как показалось Михаилу, немного полноваты, но не настолько, чтобы нельзя было, скажем, носить обтягивающие джинсы. Зато руки... руки с длинными тонкими пальцами и миндалевидными ногтями были настолько красивы, что их хотелось поцеловать, нарисовать, словом, как-то выразить свое восхищение ими. Женщины часто портят красивые руки обилием колец, но у Анны кольцо было всего два – витое обручальное на безымянном пальце левой руки, как и положено вдове, и скромное платиновое колечко с небольшим бриллианчиком на среднем пальце правой. Колечко было из гарнитура, в который также входили сережки и браслет-змейка на правом запястье. Лицо не столько эффектное, сколько красивое. Минимум броскости, минимум косметики, но утонченность сквозила в каждой черточке. Волосы, зачесанные назад и собранные там в строгий пучок, открывали лоб и делали его еще более высоким. Карие глаза манили, так и хотелось всматриваться в них... Так и напрашивалось сравнение с Настасьей Филипповной. «Глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное...»⁴. Любимых писателей у Михаила было всего два – Достоевский и Диккенс. В отношении Достоевского все ясно. Невозможно, наверное, психоаналитику не любить Достоевского, искусного препаратора душ человеческих. У него же что ни книга, то научный анализ, искусно облеченный в художественную форму. Диккенс же в первую очередь привлекал своей обстоятельной манерой повествования. Начинаясь читать и незаметно для себя с головой погружаешься в вымышленный мир, который благодаря обилию деталей неотличим от настоящего. Правда, в психологизме Чарльз Джон Хаффем уступал Федору Михайловичу, но ведь с ним, кажется, сравниться невозможно, не говоря уже о том, чтобы превзойти. Во всяком случае, Михаилу такие авторы не попадались.

Увидев на обложке «Достоевский нашего времени», «второй Достоевский» или что-то еще в этом роде, Михаил непременно покупал книгу в надежде – а вдруг? Начиная читать, закрывал на половине, если уже не на первой главе и относил книгу вниз, туда, где возле почтовых ящиков функционировала стихийная «обменная» библиотека. Как-то раз Михаилу досталась оттуда книга Ухтомского⁵ «Психоанализ и физиологическая теория поведения», изданная в 1928 году в Ленинграде. Страшно представить, сколько этот раритет стоил бы у букинистов!

Напомнив себе, что профессиональнее было бы уделять внимание не столько внешности Анны, сколько внутреннему миру Тамары, своей пациентки, Михаил тем не менее продолжил думать об Анне. Теперь он попытался срочно отыскать в ее внешности недостатки, а то ведь так и влюбиться недолго. Влюбляются-то во внешность, это уже потом постепенно внутрь заглядывают и по мере ознакомления с внутренним миром корректируют свое чувство. Иногда в результате подобной коррекции симпатии переходят в антипатии. Иногда к моменту этого перехода у пары уже растет ребенок. Так было и у Михаила. Сначала он списывал подмеченные минусы на привыкание друг к другу, потом – на беременность, потом на героизм материнства, пока наконец не понял, что рядом с ним живет совершенно чужой ему человек. Да к тому же не склонный к мирному сосуществованию.

Придравшись к губам («тонковаты») и к груди («могла бы быть и побольше»), Михаил счел задание, данное самому себе, выполненным. Быстро доел последний бутерброд, принял душ и завалился спать.

⁴ Ф.М. Достоевский. Идиот.

⁵ Ухтомский Алексей Алексеевич (1875–1942) – выдающийся российский физиолог, академик Академии наук СССР. Окончил Петербургский университет и работал там же на кафедре физиологии человека и животных, которой заведовал с 1922 по 1942 год. Исследовал проблемы физиологии нервной системы, возможности использования психоанализа. В 1928-м опубликовал книгу «Психоанализ и физиологическая теория поведения».

3

– Каждый день я начинаю с того, что пытаюсь встать с постели. Полвека, можно сказать, прошло, а я все никак не свыкнусь с тем, что не могу ходить. Вы думаете, что я притворяюсь? Нет, нисколько. Каждое утро я просыпаюсь резвой девчонкой, которой хочется вскочить и поскорее бежать куда-нибудь. Бежать сломя голову, не разбирая дороги...

Михаил прекрасно понимал, что Тамара говорит неправду, но не мешал ей и никак не выказывал своего недоверия. Он понимал, что пациентке хочется поговорить с новым собеседником о своей инвалидности, вечной своей проблеме. Чем скорее она выговорится, тем лучше. Да и потом, люди часто заблуждаются в отношении причины своего психологического дискомфорта. Вполне возможно, что депрессия Тамары не столько вызвана смертью ее брата, сколько тем, что она до сих пор не смогла принять свое состояние, свыкнуться с ограничением возможностей, не смогла научиться жить в новом состоянии. Но вот то, что каждое утро она просыпается и не помнит, – это все же неправда.

– А потом смотрю на ноги и все вспоминаю. Я, знаете ли, Михаил, как-то сразу поняла, что больше ходить не смогу. Сколько мне было – семь лет всего, а я уже многое понимала. Мама носилась со мной по докторам, делала всякие упражнения моими ногами, я держалась руками за поручни, а она переставляла мои ноги, сгибала их... На массажистов ухнули целое состояние. В одного я даже влюбилась, он был такой мужественный и очень суровый. Взглянет – как кнутом обожжет. А руки сильные и ласковые-ласковые... Я просто млела, когда он касался меня, впрочем, это неважно. Даже стыдно...

– Тамара, ваша задача – излагать мне все мысли, которые приходят вам в голову, – напомнил Михаил, – излагать подробно, ничего не отбрасывая, ничем не пренебрегая. Пусть эти мысли кажутся вам неважными, абсурдными, аморальными, эгоистичными, оскорбительными для окружающих, в том числе и для меня, вы все равно их озвучиваете. В психических процессах нет и не может быть ничего случайного, все имеет значение, все несет в себе информацию. Откровенность и доверие определяют эффективность нашей совместной работы. Прошу учитывать, что я никак не стану оценивать то, что вы мне расскажете, и осуждать вас тем более не стану, я буду только анализировать полученную информацию. Ведь я же психоаналитик. Кроме мыслей, меня интересуют ваши ощущения. Все, любые, от головной боли до панического страха...

– А в этом реально есть смысл? – нахмурилась Тамара. – Вы не подумайте, я не иду на попятный...

– Вы вправе пойти на попятный, когда захотите. Вы вправе выйти из анализа в любой момент, вы вправе отменять сеансы. Вы никому ничего не должны – помните это. А польза реально есть. Рано или поздно вы начнете отражать в вашем рассказе бессознательное. Эти процессы могут остаться скрытыми для вас, но я их замечу, обращу на них ваше внимание и мы начнем их исследовать. Если у вас нет вопросов, то давайте продолжим.

– Давайте, – Тамара выдавила из себя улыбку. – Сейчас, только соберусь с мыслями...

– Расслабьтесь и говорите, что на ум придет, – поправил Михаил. – Так будет правильнее.

– Тема действительно любая, по моему выбору?

Михаил кивнул, пытаясь угадать, о чем сейчас пойдет речь. Тему сеанса практически всегда определяет пациент, психоаналитик может разве что попросить вернуться к какому-то моменту и что-то пояснить.

Пауза немного затянулась, но Михаил никогда не торопил своих пациентов. Можно и помолчать, главное, чтобы молчание не растягивалось на весь сеанс, ибо какой тогда во всем этом смысл.

– Кстати, Михаил, прошу прощения за бестактный вопрос, но раз уж пришло на ум, то... Скажите, а как далеко простирается ваша конфиденциальность?

– Простите, не понял?

– Все, что я скажу, останется между нами? – Тамара, не моргая, смотрела в глаза Михаила, словно пытаясь прочесть в них правдивый ответ. – Несмотря ни на что?

– Несмотря ни на что, – подтвердил Михаил.

– А если я скажу, что совершила преступление, тогда что?

«Семейное это у них, что ли?» – подумал Михаил и ответил:

– И тогда я ничего никому не скажу.

– Даже если узнаете, что в нашем подвале умирает от пыток несколько ни в чем не повинных людей?! – Тамара недоверчиво прищурилась. – Даже тогда?

– Тогда, наверное, скажу, – вынужденно признался Михаил.

– Непременно скажете! – удовлетворенно констатировала Тамара. – Всегда и во всем есть пределы, рамки. Поэтому я и интересуюсь пределами конфиденциальности.

– Тамара, у вас в подвале сейчас кто-то умирает от пыток? – Михаил намеренно подбавил в голос немного металла.

– Нет, конечно, – Тамара, как показалось Михаилу, немного растерялась.

– Тогда давайте не будем моделировать всякие... хм-м, пикантные ситуации, ладно? Давайте говорить о том, что есть, и о том, что было, ничего не выдумывая и не строя предположений. А на мое молчание можете рассчитывать, но если сложилось так, что вы не испытываете ко мне доверия, то нам лучше расстаться. Доверие – вот основа основ наших основ.

Шутки, пусть и не очень смешные, превосходно разряжают обстановку. Шутки служат своеобразным сигналом благополучия, дают понять, что все хорошо.

– Когда-то основой основ наших основ был марксизм-ленинизм, – Тамара прикрыла глаза, словно погружаясь в воспоминания. – Как давно это было. А я все помню. У меня очень хорошая память, потому что каждое событие, каждое впечатление, и плохое, и хорошее, я переживаю по нескольку раз. Чем еще заняться несчастной калеке? Чтение утомляет, от телевизора меня тошнит, все любимые фильмы пересмотрены по сто раз... Остается одно – вспоминать. И я вспоминаю! Всё вспоминаю!

Ее тихий голос вдруг ни с того ни с сего отвердел, в нем зазвучали новые, резкие нотки.

– Вы хотите знать, как я дошла до такой жизни?! – Тамара с силой хлопнула ладонями по подлокотникам своего кресла.

– Если вы хотите поговорить об этом, то хочу.

– Меня сделал инвалидом мой брат! Я говорю о Максиме, других братьев у меня не было. Это было лето, последнее лето моего детства, если можно так выразиться, потому что потом детства уже не было. Маме удалось записать меня в ту же школу, что и Максима, это была двадцать вторая английская спецшкола, куда просто так, с улицы, никого не брали. Слышали о такой?

Михаил отрицательно покачал головой.

– Впрочем, о чем это я? – спохватилась Тамара. – Там давно, наверное, другая школа с другим номером. А тогда, в шестидесятых годах прошлого века... Боже, как же это ужасно звучит «шестидесятые года прошлого века» применительно к собственному детству! Короче говоря, это была очень крутая школа. И в шестидесятые, и в семидесятые, и в восьмидесятые... Макс попал в эту школу благодаря маминой подруге, которая работала там завучем, но буквально через год ее уволили. Какие-то неприятности случились по работе. А в отношении меня маме удалось организовать звонок из Краснопресненского райкома партии. Вы думаете, что так легко было организовать такой звонок? Отнюдь! Но маме удалось. Но школа к моей беде не имеет никакого отношения, это я так, к слову. В июне нас с Максом отправили к бабушке в Бронницы. Вроде как на дачу – бабушка жила в собственном доме. Макс окончил четвертый

класс, и родители купили ему велосипед. Настоящий велосипед, двухколесный «Орленок», почти как взрослый. Вот на этом велосипеде Макс и решил меня прокатить. Усадил на багажник, велел держаться за него покрепче и ка-а-ак рванул с места. Я испугалась, кричала, просила остановиться, но Макс только смеялся и налегал на педали. Ему всегда нравилось пугать меня и смеяться над моими страхами. То он мне рассказывал про черного дровосека, который крадет маленьких детей и рубит их топором, то пугал меня волком, якобы живущим в овраге рядом с бабушкиным домом, то еще чем. И на велосипеде он решил меня прокатить не для того, чтобы доставить удовольствие, а из желания поиздеваться. Закончилось все тем, что я упала, ударились спиной о бордюрный камень и сломала себе позвоночник. Самое интересное в этой истории то, что Макс даже не заметил, как я упала. Он унесся далеко вперед и вернулся через некоторое время, когда меня уже увезли в больницу. Представляете?

– Представляю, – коротко ответил Михаил.

– Я так его ненавидела... – Тамара прикрыла глаза рукой, – кто бы знал, как я его ненавидела. Я его до сих пор ненавижу. Макса нет, а ненависть осталась... А я думала, что все пройдет. Наверное, это плохо – ненавидеть покойников?

– Ненависть – это всегда плохо. Она в первую очередь отравляет жизнь вам...

– Да-да, конечно! – Тамара убрала руку от глаз и кивнула несколько раз подряд. – Только мою жизнь эта ненависть и отравляла! Макс-то что? Ему все как с гуся вода! Он, кажется, и не переживал нисколько. Однажды даже высказался в том духе, что я, мол, сама виновата. Плохо держалась, вот и упала. Отец, услышав это, залепил Макс-у пощечину, а мама долго с ним не разговаривала... А я была готова убить его. Просыпалась ночью и представляла, как я тихонько перелезаю в коляску, забираю с собой подушку, подъезжаю к спящему Макс-у, кладу подушку ему на лицо и наваливаюсь на нее...

Михаил подумал о том, что брат Тамары вполне мог умереть не своей смертью. Очень даже мог. Ну и семейство, однако, прямо Стюарты какие-то. Только непонятно, почему при подобных взаимоотношениях смерть брата переживается так тяжело, что требуется помощь психоаналитика. Нестыковочка.

Спрашивать напрямую, ловить на лжи – бестактно и бессмысленно. Психоаналитик не следователь и пациента не допрашивает. И, разумеется, никакой ответственности за дачу ложных показаний здесь нет и быть не может. Пойманный на лжи соврет еще раз. И еще, и еще... Гулять – так гулять, врать – так врать. Правду надо осторожно вытаскивать на поверхность, подобно тому, как вытаскивает из глубин рыбак крупную сильную рыбу. Одно неверное движение, один поспешный рывок – и вытащишь пустой крючок.

Под конец сеанса у Тамары закружилась голова. На звон старинного медного колокольчика, надраенного до ослепительного блеска, прибежала горничная, измерила давление, показала головой (видимо, давление подскочило), дала Тамаре каких-то таблеток, поблагодарила Михаила, вся помощь которого заключалась в том, что он налил в стакан воду из бутылки, и увезла Тамару в спальню.

Михаил вышел в коридор, где сразу же столкнулся с Анной.

– А я за вами, Михаил! – объявила она, широко и радушно улыбаясь. – Не составите ли мне компанию? Если, конечно, у вас есть время...

– Время у меня есть, – не глядя на часы, ответил Михаил. – А что мы будем делать?

– Просто выпьем кофе, – Анна улыбнулась и повела бровью, словно давая понять, что одним только кофе дело может не ограничиться. – Я заядлая кофеманка, пью кофе для того, чтобы взбодриться, и для того, чтобы заснуть.

Михаил помешкал с ответом, потому что залюбовался Анной. Сегодня на ней было облегающее зеленое платье без рукавов, простое, но в то же время выглядевшее очень элегантно и прекрасно подчеркивающее все достоинства Анниной фигуры.

– Если вы не пьете кофе, я заварю вам чай. Благодаря Тамаре у нас весьма впечатляющая коллекция чаев. А от мужа осталось до черта крепких напитков...

– Благодарю вас, – церемонно ответил Михаил, – но я за рулем, так что крепкие напитки отпадают.

Даже если бы и не за рулем. Было что-то отталкивающее в распитии напитков, оставшихся после чьей-то смерти. Ничего, конечно, такого, ибо никто не вечен под луной, но что-то все же коробило.

– А кофе? – повторила Анна, откидывая рукой со лба непослушную прядь. – Я могу извратиться как угодно – с корицей, с мускатным орехом, с имбирем, с лимоном...

В словах «я могу извратиться как угодно» Михаилу послышался многообещающий намек.

– Достаточно будет крепкого кофе без сахара, – ответил он.

– О! Это по-мужски! – одобрила Анна. – В наш рафинированный век настоящие мужчины редкость. Или гламурные подонки, или брутальное быдло.

– Я думаю, что вы слишком строги в суждениях, – улыбнулся Михаил.

– Я строга? – удивилась Анна, и удивление ее выглядело непритворным. – Да знали бы вы мужчин так, как знаю их я, вы бы сказали, что я слишком снисходительна!

Она развернулась и пошла по коридору, давая Михаилу возможность идти позади и наслаждаться созерцанием. Михаил и наслаждался. Отчасти как эстет и ценитель красоты во всех ее проявлениях, отчасти как мужчина, обуреваемый мужскими чувствами, эмоциями, инстинктами. А сладкий запах духов, шлейфом тянувшийся за Анной, добавлял этому созерцанию шарма.

Кухня оказалась не просто кухней, а еще и чем-то вроде гостиной с длинным, во всю стену, диваном и двумя приставленными к нему столами.

– Здесь обычно во время приемов находятся водители и «тушканчики», – прокомментировала Анна.

– Тушканчики? – переспросил Михаил.

– Ну да, тушканчики, – улыбнулась Анна. – Макс так называл телохранителей. Они охраняют хозяйскую тушу, сокращенно – тушку, значит, тушканчики. Мой покойный муж не имел телохранителей и считал их бесполезными дармоедами. Он считал, что надо правильно вести дела, не наступать никому на горло, вовремя решать спорные вопросы, уметь договариваться и все такое. А телохранители – это блажь. От выстрела из гранатомета никакой телохранитель не спасет.

– Я думаю, что он был прав.

– А я думаю, что он просто хотел сэкономить, – обронила Анна. – Располагайтесь, я сейчас.

Михаил расположился на диване, оказавшемся очень удобным – в меру мягким и спинка поставлена под правильным углом. Портфель поставил на пол.

К кофе Анна подала сладости в «трехэтажной» вазе, которые так и простояли нетронутыми. Кофе вопреки ожиданиям Михаила, привыкшего пить этот напиток из относительно небольших, а то и из совсем крошечных чашечек, Анна разлила в две большие красные чашки. На той, что досталась Михаилу, было написано «The Strongest Coffee in the World», а на Анниной красовалась лаконичная надпись: «The Boss».

«Бессознательная расстановка приоритетов», – подумал Михаил и улыбнулся.

Улыбка была едва заметной, но Анна, севшая не на диван, что было бы совсем уж интимно, а на стул по другую сторону стола, ее заметила.

– Понравился кофе? – спросила она.

– Выше всяких похвал! – ответил Михаил. – И порция впечатляющая.

Он немного преувеличил. Кофе был просто хорошим. Крепким и ароматным.

– Это чтобы не отвлекаться в ходе разговора, – пояснила Анна. – Знаете, я хотела попри-
сутствовать на одном из ваших сеансов с Тамарой, но она встретила эту идею в штыки.

– И правильно сделала, – одобрил Михаил. – Психоанализ – дело сугубо интимное, сви-
детели здесь не нужны. Они даже противопоказаны.

– Так я не с какой-то там целью, а чисто полюбопытствовать. В кино психоанализ выгля-
дит как прикольные ответы на прикольные вопросы, а так интересно узнать, как все происхо-
дит на самом деле!

– Зачем?

– Любопытно, – Анна улыбнулась так обворожительно, что Михаил чуть не поперхнулся
кофе. – Мне интересно, что представляют собой сеансы психоанализа.

– Это общение, во время которого пациент говорит, а психоаналитик слушает. Приколь-
ные вопросы и прикольные ответы – это нисколько не психоанализ. Я не столько задаю вопросы
пациентам, сколько их слушаю. Слушаю и делаю выводы.

– То есть к вам приходят для того, чтобы выговориться? Облегчить, так сказать, душу?

– В общем-то – да. Но, кроме облегчения, бывает и другая польза. Анализируя то, что мне
говорят пациенты, помогаю им решить их проблемы. Не решаю, заметьте, а помогаю решить.

– То есть вы слушаете, что вам несет Тамара, и...

– Прошу прощения! – Михаил поставил чашку на стол и поднял вверх обе руки, обратив
их ладонями к Анне. – Я могу говорить с вами о психоанализе при одном условии! Никаких
имен. Никаких переходов на личности, пусть даже и случайных. Наша этика во многом схожа
с врачебной. Полная приватность и абсолютная секретность.

Он опустил руки и сразу же устыдился неуместной пафосности этого своего жеста.

– А если вы узнаете, что в нашем подвале я велела оборудовать камеру пыток и развле-
каюсь там с похищенными мною людьми, тогда что? – Анна иронично посмотрела на Михаила.

– Вы подслушивали? – в совпадения Михаил не верил, тем более в столь очевидные сов-
падения. – Зачем?

– Ну что вы! – укоризненно протянула Анна. – Я порядочная женщина и не позволяю себе
вторгаться в чужую приватность. Это кое-кому позарез надо знать, сколько у меня... Ладно,
замнем для ясности. Михаил, вы не могли бы начать работать со мной. Ничего особенного,
никакого криминала, просто мне очень-очень надо выговориться. У вас найдется для меня
свободное время? Я могу приезжать к вам в офис когда угодно.

– В офис? Но ведь я так или иначе приезжаю сюда к Тамаре и могу работать с вами здесь
же по цене обычного офисного сеанса, если вам удобно это время...

– Нет! – Анна решительно покачала головой. – Лучше я стану приезжать к вам в то время,
которое вы мне назначите.

– Но почему? – удивился Михаил.

– Домашние сеансы не устраивают меня по трем причинам. Во-первых, здесь я вряд ли
смогу расслабиться и спокойно, без помех, выговориться. Не та обстановка. Во-вторых, здесь у
всех стен есть уши. Все обожают подслушивать – это такой домашний вид спорта. Ну и, в-тре-
тих, мне приятно лишний раз выехать в Москву, развеяться. Без дела вроде как не поедешь,
а по делу – с удовольствием. Ах, да! Вот вам и четвертая причина – если вдруг Тамара узнает,
что с меня вы берете меньше, чем с нее, нам обоим несдобровать.

– Но это, как мне кажется, логично, – пожал плечами Михаил. – И потом, вы же род-
ственницы, хоть и не кровные...

– Мы кровные враги! – Анна сверкнула глазами. – И никакие не родственницы!

«Как тут все запущено, – подумал Михаил. – И загадочно. Такой внезапный интерес к
психоанализу удивителен, если не сказать больше. Он даже в какой-то мере настораживает. И
здесь определенно есть какая-то тайна. Прямо вот диккенсовская. Загородный особняк, две
женщины, ненавидящие друг друга, покойник...»

Внезапно Михаил ощутил сильную эрекцию. Очень сильную, член не просто отвердел, налившись кровью, он резко увеличился в размерах и настойчиво запросился на волю. Явление было настолько неожиданным, что застало Михаила врасплох. Он покраснел и закинул ногу на ногу, маскируя свою несдержанность. Обычный, в сущности, жест, но Михаил избегал его во время сеансов и доизбегался настолько, что практически перестал так делать. Нога, закинутая на ногу, символизирует закрытость, бессознательное желание защитить свои гениталии (сейчас Михаил как раз и защищал их от постороннего взора) и является выражением скрытого недоверия к собеседнику. В каком-то голливудском фильме так вообще был психоаналитик «без комплексов», который задира скрещенные ноги на стол, демонстрируя пациенту подошвы своих полуботинок, но в кино всегда можно больше, чем в жизни.

Эрекция и не собиралась ослабевать. «Приапизм какой-то!» – раздраженно подумал Михаил и сделал подряд несколько глубоких вдохов-выдохов. И ведь на воздержание не спишешь – не далее как прошлой ночью трижды разрядился в охочее до ласк лоно давней подруги. Секс был не слишком эмоциональным, потому что физиология явно доминировала, но качественным, дающим приятное чувство разрядки и опустошенности. А сейчас, наверное, психика дала знать о себе, решила добавить эмоций? Не иначе. Уж что-что, а такую эмоцию, как стыд, Михаил сейчас испытывал остро и всеобъемлюще. Это же надо такому случиться – приступ явной похоти (давайте уж называть вещи своими именами) во время невинного разговора с красивой женщиной. Впору сгореть от стыда или провалиться сквозь землю.

– Давайте поработаем над вашими проблемами, Анна, – сказал Михаил. – Только сразу предупреждаю, что надо настраиваться на долгую, кропотливую работу. С наскоку никакие проблемы не решаются, в нашем деле вообще ничего с наскоку не решается.

Обсуждать проблемы Анны сейчас не хотелось. Раз уж у здешних стен есть уши, то лучше перенести обсуждение в офис. Так будет лучше.

– Я готова. Долго так долго, кропотливо так кропотливо. Цена вопроса меня не волнует, был бы результат.

– Дело не столько в цене, сколько в вашей готовности, – поправил Михаил, – вашем желании...

– Я все понимаю, не маленькая.

Любимые и единственные дети (особенно – поздние), сполна и еще немножко сверх того вкусившие родительской заботы, и во взрослом возрасте при любом удобном случае подчеркивают, что они не маленькие. Нелюбимые дети, сызмальства подавляемые взрослыми, поступают точно так же, давая понять, что ими уже нельзя манипулировать. Причины разные, следствие одно и то же. Детские комплексы преследуют нас всю жизнь.

– В какое время дня вам удобно приходить ко мне?

– В любое, – пожала плечами Анна. – Я же сама себе хозяйка.

– Тогда давайте начнем со вторника, – предложил Михаил, сверившись с ежедневником на телефоне. – Жду вас в половине первого.

– Дня? – спросила Анна и тут же по-простонародному прыснула в ладонь, поняв глупость вопроса.

При возможности Михаил предпочитал начинать работу с новыми пациентами в первой половине дня, на свежую голову.

– А другой сеанс мы назначим... В пятницу или в субботу у меня «окно» в самом начале дня. В какой день вам удобнее?

– В любой, но лучше в пятницу.

– Хорошо, – Михаил сделал отметки в ежедневнике и порадовался тому, что возбуждение, так некстати охватившее его, пошло на спад; а то ведь встать нельзя с дивана.

– А почему сеансы проводят с перерывами? – спросила Анна. – Зачем терять столько времени?

– Затем, что торопиться не стоит. Если проводить сеансы один за другим, без каких-то пауз между ними, то весьма скоро наступит истощение. Поверьте мне, это так.

Вообще-то на утро этой пятницы у Михаила был запланирован поход в фитнес-клуб. Надо же наконец взять себя в руки, тем более что впереди лето, а под летней одеждой дефекты фигуры скрыть трудно. Да и распускаться не стоит. Тридцатипятилетие – пороговый возраст. На носу, то есть у порога, кризис среднего возраста, лишний вес, гипертония и прочие неприятности.

«В субботу позанимаюсь! – решил Михаил. – Никакой разницы».

По дороге домой Михаил думал об Анне. Вспоминал ее голос, ее улыбку, ее глаза, которые ассоциировались со словом «бездонные», запах ее духов... Ему было приятно и даже немного радостно сознавать, что Анна стала (точнее – вот-вот станет) его клиенткой. Он сможет познакомиться с ней поближе, узнает ее получше и, если все сложится... Если вдруг... Она свободна, он тоже свободен и от того... Впрочем, незачем так торопить события.

Профессиональное периодически брало верх над личностным, и тогда Михаил начинал думать о том, какие проблемы могли быть у Анны. В первую очередь он связывал их со смертью ее мужа. Потрясенная этой трагедией, Анна могла каким-то образом винить себя в ней. Осознанно или неосознанно, вольно или невольно, но винить. Когда у человека большое сердце, всегда можно связать его смерть с каким-нибудь стрессом, свежим или не очень. А стрессов там хватало, даже, наверное, с избытком. Муж умирает, причиной смерти названа острая сердечно-сосудистая недостаточность, Анна вспоминает какой-либо недавний конфликт пошумнее и связывает его со смертью мужа. «Виновата ли я?» – спрашивает она себя и отвечает: «Отчасти». Или скорее всего: «Виновата, конечно же, виновата». Все, приехали. Чувство вины пускает корни в душе и вынуждает Анну страдать. Возможно ли подобное? Разумеется, возможно. Анна бессознательно пытается избавиться от чувства вины, оправдаться перед своим «Сверх-Я», перед своим приобретенным бессознательным, но у нее ничего не получается...

– Это же элементарно! – сердился доцент Барсегов, когда студенты путали приобретенное бессознательное с наследственным. – Смотрите!

Барсегов рисовал в центре грифельной доски букву «я». Ножки у буквы были короткими, и могло показаться, что доцент рисует стилизованный автопортрет – пузатика на ножках.

– Это Я!

Над первым «я» появлялось второе – почти такое же, только с завитушкой сверху. Словно отросла заново у Барсегова шевелюра, а он с непривычки забыл причесаться.

– Это совесть ваша! – комментировал доцент. – Ваше воображение. Называется «Сверх-Я», поэтому и находится сверху. А снизу будет «Оно», то, что вам, в сущности, чуждо, то, что вы получили, сами того не желая...

«Надо бы заехать в институт, – отвлекаясь от темы, подумал Михаил. – Пока меня там совсем не забыли». «Пока не забыли» было кокетством, забудешь такого, как же.

Итак, Анна пытается изжить в себе чувство вины, но у нее ничего не получается. Она страдает. Это как раз тот случай, про который не скажешь «попытка не пытка». Пытка, да еще какая.

Возможно, что Анна пойдет по другому пути – попытается избавиться от вины через забвение, точнее, через вытеснение всей этой истории из сферы сознательного в сферу бессознательного. Ей на какое-то время может показаться, что она забыла, но на самом деле она ничего не забудет. Информация будет храниться в бессознательном в заблокированном состоянии, и стоит блоку исчезнуть, как она все вспомнит...

«В какие дебри меня заносит! – ужаснулся Михаил. – Как можно так себя вести? Как можно строить предположения и настраивать себя определенным образом, не имея ни грана объективной информации? Я же не гадалка!»

Хорошенько отругав себя за легкомыслие и поспешность, Михаил поспешил перейти от профессионального к личному и снова принялся думать о том, как славно улыбается Анна и как естественно она ведет себя. Ни капли кокетства, ни капли жеманства, а какое наслаждение от общения. Сразу видно – настоящая женщина.

Согласно канону, отношения между психоаналитиком и пациентом ни в коем случае не должны выходить за деловые рамки. Табу распространяется не только на секс, но и на неформальные встречи, приятельство, дружбу. Психоаналитики не должны сближаться с пациентами и не должны работать с родными и близкими. Исключения, конечно, возможны из любого правила, но из этого правила лучше исключений не делать. Себе дороже.

Опытный психоаналитик, профессионал и перфекционист, Михаил Александрович Оболенский намеревался грубо нарушить одну из основных заповедей психоанализа, да вдобавок старался заранее запастись оправданиями, хотя ему полагалось оставить все дела и броситься перечитывать дедушку-основоположника Фрейда, предостерегавшего своих неразумных и беспечных последователей от подобных оплошностей.

Неразумный мотылек, бодро взмахивая крылышками, летел на призывно мерцающий огонек свечи, не ведая о том, что впереди его не ждет ничего хорошего. Но огонек пока находился далеко, и потому какое-то время еще можно было обольщаться.

4

Анна явилась на сеанс в красно-белом платье с отложным остроконечным воротником и планкой с пуговицами. Платье, несмотря на свою старомодность, очень шло ей и прекрасно сочеталось с крупными пластмассовыми клипсами и красными лакированными туфельками на невысоком каблуке. «Впрочем, это называется «винтаж», – вспомнил Михаил, малосведущий в вопросах женской моды. – Последний писк, наверное».

Вначале Анна села в кресло, но Михаил предложил ей лечь на кушетку, сказав, что так будет удобнее. Пересев из кресла на кушетку, Анна немного помедлила, а потом быстро скинула туфли и улеглась. Разуваться никто не требовал. Некоторые пациенты ложились в обуви, а некоторые – без, в зависимости от того, кому как комфортнее. Кто-то не может расслабиться в тесной обуви, а кто-то не склонен демонстрировать свои носки. Не потому, что стесняется дырки на пятке, а просто не хочет, считая это слишком интимным. А кому-то непременно требовался плед, даже в июльскую жару, еле-еле остужаемую кондиционером. Пледов на этот случай у Михаила было три – однотонный коричневый, клетчатый красно-зеленый, и легкий, почти невесомый, бежевый, с псевдоантичным узором по краям. Для желающих максимально отгородиться от мира имелись одноразовые маски для сна. «Надо бы еще парочкой строительных касок разжиться», – иногда шутил наедине с собой Михаил, но до касок как-то руки не доходили. А зря, наверное. Крепкий головной убор может успокаивающе действовать на истериков. Защитил голову – значит, все будет в порядке.

Лодыжки у Анны были тонкими, красивыми. Михаил не просто отметил это, а «развил тему» дальше – представил, как прижимает белую ножку к своей груди и осторожно гладит ее пальцами. Интимное видение, как и положено, перешло в смущение. Оставалось надеяться, что Анна этого не заметила.

– Я вас слушаю! – проникновенно-подкупающе (он умел так, когда было надо) сказал Михаил, стоило только Анне утвердить голову на подголовнике и закрыть глаза.

– Вы, наверное, подумаете, что я дура, – сразу же начала Анна. – Это не совсем так. Во мне, конечно, хватает всякого, но душой я никогда не была. Просто я постоянно нервничаю без причины, и, как бы мне ни хотелось казаться сильной и смелой, в душе я трусливая неврастеничка... Наверное, это наивно. Сначала я была уверена, что проблема во мне, потом мне начало казаться, что это не так, потом снова началось самокопание... Я хочу измениться в лучшую сторону, хочу обрести спокойствие... Я чего-то боюсь, сама не пойму чего... Иногда мне кажется, что вся жизнь позади, иногда я ощущаю себя девочкой, только начинающей познавать жизнь и ее правила, мне кажется, что все только-только начинается, что впереди меня ждут какие-то приятные перемены, новая, интересная жизнь... Господи, сколько мыслей в голове, все они путаются, ускользают... Не знаю, с чего начать.

– Расскажите мне о себе, – попросил Михаил.

– С какого момента?

– С любого, но лучше всего начать с вашего рождения. Семья, наличие братьев и сестер, детские травмы, взаимоотношения с одноклассниками, выбор профессии, встреча с будущим мужем... Меня интересует буквально все.

– То есть мы уже начали работать над моими проблемами?

Анна открыла глаза и посмотрела в окно, за которым сейчас не было ничего примечательного, а в темное время суток открывался поистине блоковский пейзаж – ночь, улица, фонарь, аптека. Аптеки, правда, из кресла не увидеть, надо встать и подойти ближе к окну. Начиная говорить, она переводила взгляд на Михаила, всякий раз сопровождая этот перевод плавным

взмахом длинных и каких-то пушистых ресниц. «Печаль ресниц, сияющих и черных...»⁶ – вспомнилось Михаилу депрессивно-меланхолическое.

– Да, – улыбнулся Михаил. – Уже начали.

– И все останется между нами?

Обычно пациентам хватало однократного подтверждения.

– Разумеется, ничто из сказанного никогда, ни при каких обстоятельствах, не выйдет за пределы этого кабинета. Я прошу вас быть откровенной, говорить все как есть.

– Не знаю почему, но я вам верю, – призналась Анна. – Я как-то больше доверяю мужчинам, особенно таким опытным профессионалам, – Анна улыбнулась краешками красиво очерченных губ. – Вы отвечаете всем моим тре... условиям. И еще у вас аристократическая фамилия.

– Княжеская, – Михаил усмехнулся, давая понять, что не придает этому обстоятельству никакого значения. – Только, увы, мне не досталось ни поместий, ни реликвий, даже генеалогического древа нет, чтобы в кабинете повесить. Вот и приходится зарабатывать на жизнь психоанализом. Не подумайте, что я жалуюсь, мне нравится моя работа.

– Я это уже поняла, – теперь Анна улыбнулась чуть шире. – Тех, кто не любит свою работу, видно сразу. У них это на лбу написано...

Биография у Анны оказалась самой что ни на есть обычной. Родилась в Старом Осколе, единственная дочь у родителей – небольшого строительного начальника и бухгалтера, поздний ребенок, но не очень-то балованный. Училась в обычной школе (мимоходом Анна съязвила по поводу школ с углубленным изучением иностранных языков – явный выпад в адрес Тамары), окончила музыкальную школу по классу фортепиано, приехала в Москву продолжать образование, поступила на сценарно-киноведческий факультет ВГИКа...

– На актерский меня не взяли, намекнули, что одной эффектной внешности для того, чтобы стать актрисой, мало, вот и пошла в киноведы. Кажется, это называется «сублимация», верно?

– Отчасти верно, – после небольшой паузы согласился он, – но вообще-то мы называем сублимацией переключение энергии с социально и культурно неприемлемых целей или объектов на приемлемые.

– А что такое – неприемлемые цели? – заинтересовалась Анна.

– Ну, это могут быть сексуальные влечения, удовлетворение которых может идти вразрез с общепринятыми правилами или взглядами...

– Глупо подчинять свои влечения общепринятым правилам! – В глазах Анны заплясали озорные искорки. – Моя постель – это моя постель, и этим все сказано!

– Ну, вообще-то, определение этому понятию дал Фрейд, а в его время на многое смотрели иначе, – пояснил Михаил. – Но знаете же, как это бывает – укоренилось и пошло. Смысл-то не в правилах и взглядах, а в переключении с недостижимых целей на достижимые. Это помогает предупредить развитие неврозов. Но цель должна быть абсолютно недостижимой, а в вашем случае это же явно не так. Кроме ВГИКа, есть и другие учебные заведения, и разве мало известно случаев, когда на ком-то из известных актеров приемная комиссия, образно говоря, ставила крест, а на следующий год или в другом заведении мнение было совершенно иным? Это же так субъективно.

– Нет, – покачала головой Анна. – Я сразу как-то поверила, что таланта у меня нет, и о других местах даже и не подумала. Какой смысл пробиваться в актеры правдами и неправдами, если таланта нет? Чтобы всю жизнь играть в эпизодах типа «Кушать подано»?

– Анна, вы настолько внушаемы или просто сами не до конца были уверены в своем актерском даровании?

---

⁶ И.А. Бушн. «Печаль ресниц, сияющих и черных...»

– И то и то. Фифти-фифти. В общем, не сложилось у меня. Классика жанра.

– Почему классика? – удивился Михаил.

– Принято считать, что в киноведы идут неудавшиеся актеры. С практикой не вышло, так займемся теорией. Для того чтобы оценивать и критиковать, талант не нужен...

Скоропалительное замужество на третьем курсе, такой же скоропалительный развод через четыре месяца, получение диплома, трехлетние метания от работы в журналах к фрилансу и обратно, встреча с Максимом...

– С Максимом мы познакомились случайно, на каком-то банкете. В лучших голливудских традициях – я в толкотне налетела на него и облила шампанским. Так и познакомились... Впоследствии он иногда шутил, что я столкнулась с ним не случайно. А может, и не шутил, по нему трудно было понять, шутит он или говорит серьезно. Человек в футляре...

Если вникнуть, то все мы – человеки в футлярах. У каждого свой футляр, разница только в толщине стенок и количестве замков. Доктор Хаус утверждает, что все врут. Он не совсем прав. Точнее будет сказать, что каждому есть что скрывать. Есть люди, которые не врут, а просто не отвечают на вопросы, уходят от них.

Каждому есть что скрывать. У каждого в шкафу хранится какой-нибудь скелет, у некоторых так сразу несколько. И зря Бэкон⁷ называл скрытность прибежищем слабых. Сильные тоже скрытны, и тайн у них, скорее всего, гораздо больше.

– Сначала я воспринимала это знакомство как нечто такое... – Анна замялась в поисках подходящего слова, – случайное, но Максим очень быстро расставил все точки над «i». Он вообще ничего не откладывал в долгий ящик. Не торопыга, а человек, живущий по принципу «решил – делай». Пригласил в ресторан, долго рассказывал о себе, а потом выложил на стол кольцо, – Анна машинально посмотрела на левую руку, – и сделал мне предложение. По форме и содержанию оно было не столько романтическим, сколько деловым. Это, наверное, меня и подкупило... Объелась я романтики в первом браке, с тех пор у меня на нее нечто вроде идиосинкразии. Впрочем, во втором браке проблем тоже хватало. Мы не ссорились, точнее – мы почти не ссорились, бывали какие-то размолвки, не без этого, но все заканчивалось быстро... мы так и не смогли стать чем-то целым, вы меня понимаете? Тридцать лет разницы – это барьер, через который невозможно перешагнуть...

Михаил кивнул, хотя и не был согласен с этим утверждением. И при большей разнице в возрасте можно создавать полноценные семьи. Если, конечно, есть какие-то объединяющие факторы. Здесь их не было изначально. Случайное знакомство, почти такой же случайный брак, если верить рассказу Анны.

Взаимное непонимание, отчуждение... То же самое Михаил мог бы сказать и о своем браке. Только его подобная ситуация не удовлетворяла, Анна постепенно привыкла к роли нелюбимой и нелюбящей жены богатого человека. Муж занимался своим делом – у него была фабрика по производству мебели в подмосковном Лыткарине и сколько-то там магазинов, точнее – салонов по приему заказов, в Москве. Ничего сверхъестественного, но на обеспеченную жизнь хватало. Анна работала чисто для того, чтобы не скучать, писала статьи и обзоры в несколько журналов.

– Максим меня сильно не обременял, – откровенно призналась она, – он не пытался ограничивать мою свободу, не следил за мной или же делал это так, что я ничего не замечала. Я тоже старалась вести себя так же... необременительно, как и он. В отличие от своей сестрицы мой покойный муж был довольно неплохим человеком.

---

⁷ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский политик, философ, историк, основоположник эмпиризма, учения, считающего чувственный опыт единственным источником знаний.

– У вас есть дети? – спросил Михаил, хотя и так было ясно, что детей у Анны нет, иначе бы она о них упомянула хоть раз; вопрос следовало понимать как: «почему у вас не было детей?».

– Нет, – с оттенком сожаления (возможно, и наигранным) ответила Анна. – Хотя Максим был не прочь обзавестись наследником. У него это был первый брак, представьте себе. Он говорил, что в молодости не особо горел желанием связывать себя узами брака, а потом, когда с головой ушел в бизнес, просто некогда было. Да и незачем, наверное, он был совсем не семейным человеком. Ну, как бы это объяснить?.. Семья для него была ни ценностью, ни целью, а чем-то второстепенным... В общем, я долго обследовалась, даже в Израиль летала, потом долго лечилась, и все без толку... Медицинские подробности вас интересуют?

– Нет-нет, – Михаил даже помахал в воздухе ладонями, показывая, что эти подробности его не интересуют абсолютно.

– Я вас не задерживаю? – спохватилась Анна, решив, что Михаил поднял руки для того, чтобы незаметно посмотреть на часы.

Михаил принципиально не держал в кабинете настенных, напольных и настольных часов, считая, что они отвлекают пациентов. Обходился наручными. Одно время завел стильные песочные часы в медной «оправе», отмерявшие по шестьдесят минут, но после того, как двое пациентов сказали, что непрерывно струящиеся песчинки напоминают им о бренности всего сущего, увез часы домой. Дома они простояли недолго, Илона их кому-то подарила, поставив мужа в известность постфактум. Поступок в ее стиле.

– Я никуда не тороплюсь, так что если вы не против, то давайте продолжим, – сказал Михаил. – Тем более что вам есть что сказать, не так ли?

– Есть, – согласилась Анна, – но про замужество, собственно, и рассказывать нечего. Жизнь шла своим привычным чередом, в сентябре мы собирались в небольшой вояж по Бретани. Обсудили маршрут, Максим уже отели заказал. И вдруг...

Нижняя губа дрогнула, и Анна быстро закусила ее, пытаясь удержаться от плача. Со стороны это выглядело очень сексуально. Михаил подумал о том, что в тридцать пять лет ведет себя как мальчишка.

– Я так боюсь, не знаю чего, но боюсь...

«Странно как-то все это, – подумал Михаил. – И не совсем понятно...»

– Анна, давайте уточним, что именно побудило вас обратиться ко мне. Каков ваш основной мотив?

– Страх! – не задумываясь, ответила Анна. – Мне страшно. Мне никто не угрожает, я взрослая тридцатитрехлетняя женщина, я могу за себя постоять, но мне почему-то очень страшно. Я не знаю, что это за страх – страх смерти или еще чего-то, но он есть, и с этим приходится считаться.

Взгляд ее при этом потускнел на секунду-другую, подобно тому, как тускнеет свет ламп при снижении напряжения. Действительно боится, не притворяется.

Невротический страх, в отличие от реального, обусловленного инстинктом самосохранения, иррационален или кажется таковым на первый взгляд. Фрейд считал проблему страха узловым пунктом, главной тайной человеческой психики и был уверен, что корнями все наши страхи уходят в детство.

Анна закрыла лицо ладонями. Закрыла не встык, а внахлест – левый мизинец лег поверх правого и слегка подрагивал.

Владеть собой она определенно умела. Два всхлипа так и не перешли в рыдания, а после нескольких минут, проведенных в туалете, Анна вернулась совершенно спокойной. Даже макияж успела обновить за это время, уничтожив все следы былого смятения.

– Простите, накатывает, – сказала она, садясь в кресло. – Собственно, из-за этого я к вам и пришла. Не могу сама с собой справиться...

И тут случилось непоправимое, годное для какого-нибудь водевиля, но совершенно неуместное в реальной жизни. Хлопнула одна дверь, распахнулась другая и в кабинет вошла, нет – ворвалась, Илона, бывшая супруга Михаила, явно намеревающаяся стать его вечной головной болью.

– Не ждал меня?! – не обращая внимания на то, что Михаил не один, завопила она. – Думаешь, что если отключил телефоны, то я тебя не найду?! Думаешь, что развод поставил точку в наших отношениях?! Так знай же – от меня не скроешься!

Выглядела бывшая супруга так, что хоть госпитализируй. Лицо красное, перекошенное, глаза навывкате, губы дергаются, вся трясется, да еще и дышит прерывисто. Юбка сбилась набок, блузка местами вылезла из-под нее, сумочку держит за ремешок, как кистень. «Это она в таком состоянии машину водит? – ужаснулся Михаил. – Да нет, наверное, такси взяла, на таких нервах со двора не выедешь, не то чтобы в разгар рабочего дня ездить по центру Москвы.

Анна среагировала мгновенно. Встала, сунула ноги в туфли, подхватила свою сумочку, улыбнулась Михаилу (улыбка показалась ему ободряющей) и ушла, не желая быть свидетельницей семейного скандала. Уже и не семейного, если принять во внимание развод, но в то же время семейного.

– Я обзвонилась тебе, мерзавец! Почему ты позволяешь себе днем отключать телефоны?! А если со мной что-то случится и Оля не сможет с тобой связаться?! Хорош отец!..

Объяснять, что во время сеанса нельзя отвлекаться на телефонные разговоры, не было смысла. Так же как и объяснять, что во время сеанса нельзя врывать в кабинет и вести себя подобным образом.

– Мне надо срочно уехать до понедельника, а с Олей некому остаться! – Илона плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу. – И родной отец не хочет принять участие...

Почему не хочет? Что за срочность? И разве нельзя было послать эсмэску, которую Михаил непременно бы прочел в перерыве между сеансами? Что за манера реагировать на все так, словно не живешь, а играешь роль в какой-то из шекспировских трагедий? Или не шекспировских, у того же Островского тоже все с надрывом, на звенящем нерве... Михаил посмотрел на часы и понял, что в его распоряжении не более пятнадцати минут. За это время надо успеть выпроводить Илону, причем успеть выпроводить успокоившейся и по возможности удовлетворенной, чтобы через пять минут она не вернулась и не сорвала следующий сеанс. С нее, безбашенной, станется...

– Водички? – спокойно предложил Михаил.

Водичку ему посоветовали засунуть кое-куда. Никакой логики, сплошной абсурд – ну как можно засунуть воду? Разве что влить, впрыснуть, налить. Ну, нет так нет, наше дело предложить.

– Ты совсем о нас не думаешь! С глаз долой – из сердца вон! Какой же ты гад, Оболенский! А еще гордишься своим происхождением!

После развода Илона вернула себе девичью фамилию – опять стала Тишиной. Применительно к ней фамилия звучала иронично, если не издевательски. Какая из Илоны Тишина, ей бы Верещагиной быть или Громовой.

«А ведь когда-то мне так нравилось все это, – думал Михаил, пока Илона выплескивала остатки своего буйного негодования. – Не то слово – я просто с ума сходил от подобных экспансий. Хватал на руки и тащил ее, отбивающуюся и визжащую, в постель. А она потом так страстно просила прощения за свою несдержанность... Куда все ушло? Приелось, что ли? Наверное, приелось, нельзя же питаться одними пряностями...»

Смысл постепенно становился ясен. Илону срочно отправляют в командировку (так уж Михаил и поверил насчет командировки с пятницы по утро понедельника), а ребенка ей оставить не с кем.

– Привози Олю сюда, – сказал Михаил, когда Илона сделала паузу для того, чтобы отдышаться, – девочка умная, найдет чем заняться, пока я работаю, а потом...

Договорить ему не дали.

– А потом – суп с котом! – взвизгнула Илона. – Я уже опоздала, пока тебе дозванивалась...

– В командировку пригласили другую? – ехидно осведомился Михаил, намеренно используя глагол «пригласили» вместо «отправили».

Ловить Илону на лжи бесполезно – ни за что не признается, но дать понять, что он ей не верит, можно. Это у следователя или, например, у спасателя могут быть срочные командировки, но не у дизайнера. Тем более что Илона дизайном давно уже толком не занималась. Командировка, как же!

Михаил не имел ничего против того, чтобы бывшая жена поскорее устроила свою личную жизнь. Да же был за, не столько из альтруистических, сколько из эгоистических соображений. Устроит Илона личную жизнь, так, может, успокоится немного и перестанет донимать его. Или хотя бы станет донимать пореже. Это же невыносимо – уже на прием начала являться, концерты перед пациентами устраивать. Психоаналитикам такие «изюминки» не нужны, так всей клиентуры лишиться можно.

– Да! – рявкнула Илона. – Другую! Я пришла к тебе не унижаться...

Когда ее кто унижал? Ну, во всяком случае, не Михаил.

– ...а сказать, что ты – негодяй! Ты сломал мою жизнь и сейчас методично втоптываешь в грязь то хорошее, что в ней осталось!..

Логика здесь бессильна.

– Ты эгоист! Тебе наплевать на всех, в том числе и на нас с Олей! Боже мой, – Илона издала вздох, больше похожий на стон, и сокрушенно покачала головой, – страшно подумать, что я посвятила лучшие годы жизни такому ничтожеству, как ты!

«Лучшие годы жизни? – удивился Михаил. – Вот уж не знал...»

– Ты бросил нам жалкую подачку и решил, что сможешь этим отделаться!

Илона начала снова набирать обороты. Если наберет – прощайся и со следующим пациентом. Если не со всеми сегодняшними, ведь во взвинченном состоянии вести анализ невозможно. Поэтому Михаил решил на крайнюю меру.

– Илона, – тихо сказал он, – кого мне позвать – охранника или «Скорую помощь»? Или ты уйдешь сама?

– Ты еще смеешь пугать меня?! – возмутилась Илона. – Не затыкай мне рот! Я пришла по своей воле и уйду по своей!

Михаил нажал «тревожную» кнопку, находившуюся на нижней стороне столешницы. Не прошло и минуты, как в кабинете появился охранник. Увидев его, Илона умолкла и принялась сверлить Михаила гневным взглядом. Могла бы – так и испепелила бы.

– Эта дама мешает мне работать, – сказал Михаил охраннику. – Пожалуйста, проводите ее до входа и не пускайте больше.

Охранник согласно кивнул, навис над Илоной и забубнил традиционное профессиональное заклинание:

– Пройдемте, гражданочка, не будем нарушать порядок, пройдемте, пожалуйста, не вынуждайте, пройдемте...

– Хороши мужики! – Илона встала, одернула юбку и окинула презрительным взглядом сначала Михаила, а потом охранника. – Вдвоем на одну слабую беззащитную женщину! Впрочем, имей в виду, Оболенский, мне одного тебя всегда было мало!

Михаил никак не отреагировал ни на оскорбительный выпад, ни на последовавший за ним сочувственный взгляд охранника. Скажешь слово – удержишь Илону еще минут на пять.

– Что встал, хомяк толстопузый?! – охранник и впрямь был щекаст и далеко не худ. – Провожай меня до выхода, а то я сама его не найду! Чао, мой корнет!

«Корнет» – это из известной песни про поручика Голицына, корнета Оболенского и пылающие станицы. Корнетом Илона называла Михаила тогда, когда хотела уязвить его особенно сильно. «Хоть еще как-нибудь назови, – обреченно подумал Михаил, – только проваливай поскорее».

Оставшись один, Михаил взял стоявший на полу у стола портфель и до прихода следующей пациентки сидел в кресле, бесцельно щелкая замком портфеля и размышляя о том, насколько правдива была с ним сегодня Анна. Он любил прокрутить в голове все заново сразу же после сеанса, оценить еще раз, переосмыслить. Не всегда, конечно, а если надо, если сеанс оставляет ощущение недосказанности, неясности или попросту что-то непонятно, не понято. Внезапный уход Анны мог обернуться прекращением сеансов. Раз уж первый блин вышел комом, так ну их к черту, эти блины. Так бывает, так может быть, иногда так просто должно быть. Спасибо Илоне.

А откуда у Анны страх? Чего она боится? Тамару? Одиночества? Саму себя? Что это? Проявилось бессознательное? Или Анна озвучила домашнюю заготовку? Ну не покидало Михаила ощущение того, что Анна с ним неискренна или, скорее всего, искренна, но не до конца.

– Ох-ох-ох! – совсем по-стариковски вздохнул Михаил.

А не вызвано ли стойкое впечатление лжи-недоговоренности теми чувствами, которые Михаил начал испытывать к Анне? «Те чувства» – отличный эвфемизм для сексуального интереса, подходит на все сто, только вот в беседе с самим собой эвфемизмы излишни и даже неуместны. Вдруг бессознательное усердно выталкивает из своих глубин на поверхность идею об Анниной неискренности только для того, чтобы Михаил поскорее отказался с ней работать и их отношения из сферы делового профессионального перешли в сферу романтики и секса? Страхуется, так сказать, Михаил от развития невроза, сам того до конца не осознавая. Почему бы и нет?

Так ни до чего толком и не додумавшись, Михаил продолжил работать. Вечером, собираясь домой, он переобулся в «уличные» полуботинки и снова подумал о тонких Аннинных лодыжках, узкой стопе с высоковатым «балетным» подъемом. Правда, пальцы ног у Анны были совсем не балетными, а длинными и нежными, с небольшими, едва заметными, утолщениями на концах.

Гнать прочь приятные мысли не было резона, скорей наоборот – Михаил с удовольствием продолжил думать об Анне, одновременно, как бы со стороны, пытаясь контролировать и оценивать свои мысли. Прием из серии «Сам себе психоаналитик», в корне неверный методически, но тем не менее иногда срабатывающий, помогающий разбираться в себе.

Так уж устроен человек: потеряв что-то очень значимое, очень ценное для него, он сразу же пытается восполнить потерю, пусть даже и делает это совершенно бессознательно. А если потеря невосполнима (так часто бывает), то старается хотя бы компенсировать ее частично. Если Анна – тот человек, который нужен Михаилу, то тут надо делать человеческий выбор, а не профессиональный. Профессиональное вообще не должно доминировать над личным, иначе жди проблем, и немалых. И вообще, Анна была первой женщиной, к которой у Михаила проклюнулся реальный интерес после расставания с Илоной, то есть с того горького дня, когда он снял наконец розовые очки и посмотрел на бывшую жену (тогда еще не бывшую) «невооруженным» взглядом. Именно – проклюнулся, как птенец сквозь скорлупу недоверчивой отчужденности. Был период, когда Михаил пытался убедить себя в том, что вся сила в одиночестве, потому что только одинокий человек по-настоящему независим. Максимально независим. Потом убеждать перестал, понял, что бесполезно, но и действий никаких не пред-

принимал. Не потому, что был фаталистом (немного не без этого, конечно), а потому, что не хотелось, чтобы какая-то апатия им овладела. И тут вдруг – Анна.

А если еще вспомнить про жизненный ритм? Из дома – в офис, из офиса – домой, иногда приглашают на консультации в Институт, по выходным – под настроение игра в шахматы с соседом-программистом Антоном, редкое общение с дочерью, еще более редкие встречи с кем-то из приятелей или подруг... Ах, да, совсем забыл, еще есть фитнес-клуб! Что ж получается? А получается то, что знакомства с женщинами заводить негде, разве что в фитнес-клубе, где «товар» представлен «лицом» и время поболтать есть. Или на работе... Сайты знакомств Михаил отвергал напрочь. Попроси кто-то объяснить, чем вызвано такое неприятие сетевых знакомств (никто не просил, потому что Михаил ни с кем не обсуждал эту тему), объяснение получилось бы долгим, путаным и закончилось бы чем-то вроде: «Как-то не так все должно быть». Комплекс? Не совсем, но что-то вроде того. А со временем будет настоящий комплекс, который можно будет описать как комплекс Оболенского или комплекс неприятия сетевых знакомств.

«Я немного отступлю от правил, – решил Михаил, слегка лукавя с самим собой. – Если сложится, вернее – если будет нужно, то я приглашу Анну продолжить общение после сеанса в более неформальной обстановке. Ничего лишнего – какой-нибудь тихий малолюдный ресторан, не более того... Возможно, что подобная смена обстановки поможет мне разобраться в ней... и в себе. В конце концов, я должен понимать ситуацию, чтобы контролировать ее».

5

«Mademoiselle Blanche красива собою. Но я не знаю, поймут ли меня, если я выражусь, что у нее одно из тех лиц, которых можно испугаться. По крайней мере я всегда боялся таких женщин. Ей, наверно, лет двадцать пять. Она рослая и широкоплечая, с крутыми плечами; шея и грудь у нее роскошны; цвет кожи смугло-желтый, цвет волос черный, как тушь, и волос ужасно много, достало бы на две куафюры. Глаза черные, белки глаз желтоватые, взгляд нахальный, зубы белейшие, губы всегда напояжены; от нее пахнет мускусом. Одевается она эффектно, богато, с шиком, но с большим вкусом. Ноги и руки удивительные. Голос ее – сиплый контральто. Она иногда расхохочется и при этом покажет все свои зубы, но обыкновенно смотрит молчаливо и нахально...»⁸

Субботние вечера у Михаила играли роль пятничных, потому что он работал шесть дней в неделю. Успешный психоаналитик не может позволить себе отдыхать и в субботу, и в воскресенье. Тогда разом отсекаются крайне занятые на неделе пациенты, обеспеченные трудоголики. Успешный психоаналитик не может позволить себе обходиться без отдыха, работая неделями напролет, потому что так и до эмоционального выгорания⁹ недалеко. Вот и приходится придерживаться золотой середины – работая по субботам и отдыхая по воскресеньям. «Сам себе хозяин, а пашешь как проклятый!» – вечно недоумевала Илона. Работа на себя самого никак не могла быть изматывающей. Можно подумать, что деньги падают с неба.

По субботам Михаил старался закончить работу пораньше, чтобы вечер можно было использовать для полноценного отдыха. К сожалению (или к счастью?), удавалось это ему не всегда, иной раз и на девять вечера приходилось назначать сеансы. Сегодня была как раз такая суббота, но зато грядущее воскресенье обещало максимум драйва в обществе одной из перманентно-факультативных подруг. «Перманентно-факультативная» означало давно и хорошо знакомых женщин, склонных к приятному, ни к чему не обязывающему общению и не строящих никаких грандиозных в своей долгосрочности планов на совместное будущее с Михаилом. Проще говоря – старая подружка, которая всегда не прочь повеселиться. Обжегшись на молоке, то есть на первом браке, Михаил не спешил вторично наступать на те же грабли, хотя потребность в близком, по-настоящему родном человеке была у него очень острой, острее, чем у других, наверное.

Сидению перед «зомбоящиком» Михаил предпочитал чтение. Сегодня он улегся на диване, в разложенном виде служившем ему кроватью (после развода все никак не получалось обставить новую квартиру окончательно – то денег не хватало, то времени, то не находилось ничего путного) с томиком Достоевского в руках. Читать любимых писателей «с экрана» Михаил не любил, ибо без шороха перелистываемых страниц процесс терял часть привлекательности.

В ночной тишине бодряя музыка Моцарта прозвучала тревожно, даже очень тревожно. Завтра выходной, сеансов нет и отменять их не надо, следовательно, кто-то из пациентов звонит по другому делу. А по какому делу можно звонить около полуночи? Только по плохому, хорошее дело всегда может подождать до утра.

---

⁸ Ф. М. Достоевский. Игрок.

⁹ Синдром эмоционального выгорания – состояние, проявляющееся нарастающим эмоциональным истощением в виде безразличия к своим обязанностям и своей работе, негативным отношением к клиентам и коллегам, чувством собственной профессиональной несостоятельности и неудовлетворенности своей работой. Развитию этого синдрома способствуют однообразный или напряженный ритм работы, эмоциональные перегрузки, отсутствие должного вознаграждения (как материального, так и психологического), что приводит к обесцениванию работы.

Чертыхнувшись, Михаил отложил книгу, встал и пошел в прихожую, где в стоящем на трюмо портфеле надрывался рабочий мобильник.

На дисплее светилась надпись: «Неизвестный абонент». Очень хорошо – ночной звонок от неизвестного абонента! Впрочем, кто-то мог ошибиться номером. Суббота как-никак, народ гуляет, оттягивается, воздаст себе за труды праведные, а на фоне воздаяний, точнее – возлияний, путает телефонные номера.

– Добрый вечер, – сказал в трубку Михаил.

Трубка немного помолчала, Михаил уже хотел отключиться, а потом ответила женским голосом. Приглушенным женским голосом и оттого неузнаваемым.

– Добрый вечер, Михаил. Я не поздно?

– Не очень, Анна, – честно ответил Михаил. – Я еще не сплю. Что-то случилось?

– Да нет, ничего. Просто я была вынуждена уйти так внезапно...

– Я прошу прощения... – начал Михаил, но Анна его перебила.

– Это я должна просить прощения, – сказала она. – Мне так стыдно...

– Вам-то чего стыдиться? – изумился Михаил. – Вы же не можете отвечать за поведение моей бывшей жены?

– Я ушла, не заплатив за сеанс! – Анна вздохнула. – Вы можете подумать, что я нарочно. Так стыдно...

Дочь Оленька в таких случаях говорит: «Стыдно – у кого видно!» – и показывает язык. Нахваталась в частном детском садике, сулившем, помимо всего прочего, хорошие манеры и грамотную речь.

– Стыд есть защитное следствие неудавшейся попытки реализовать определенные устремления, – сказал Михаил примерно то же самое, что и дочь, но в гораздо более вежливой форме.

– Да, да, да! – всхлипнула трубка. – Насчет устремлений – это вы правильно сказали! Так оно и есть! Значит, вы не сердитесь на меня, Михаил Александрович? И ничего, что я вам звоню немного навеселе? То есть пьяная?

– Почему я должен сердиться? – вопросом на вопрос ответил Михаил, несмотря на то, что по науке так отвечать не рекомендуется. – И если я не ошибаюсь, то мы с вами называем друг друга по именам? Я не возражаю против отчества, но в таком случае напомните мне свое, а то как-то неудобно...

– Знали бы вы, как мне неудобно, – ответила Анна. – Просто стыдно. Вот пока не напилась, не решилась вам позвонить. Это смешно, да?

– Ничего смешного не вижу, – чувствуя, что разговор обещает быть долгим, Михаил вернулся к дивану и сел. – Давайте забудем этот неприятный инцидент. Надеюсь, что ничего подобного больше не повторится.

– Я вот не пойму, вас профессия побуждает казаться таким хорошим и понимающим или вы вообще по жизни такой?

Вечер откровенных вопросов, иначе и не скажешь.

– Человек может добиться успеха только в том случае, если его характер подходит к выбранной профессии, – дипломатично ответил Михаил и взял инициативу в свои руки. – Давайте внесем ясность. Во-первых, я на вас не сержусь, обиды не держу, зла не таю и вообще отношусь к вам хорошо, ведь вы мне ничего плохого не сделали...

– Хорошо, если так, – прокомментировала Анна.

– Во-вторых, если у вас есть желание, мы можем продолжить наши сеансы.

– У меня такое желание есть, – подтвердила Анна. – А у вас?

– Тоже, – коротко ответил Михаил.

– Честно-честно?

– Клянусь полным собранием сочинений Фрейда!

Чем еще может поклясться психоаналитик?

– Вы шутите! – констатировала Анна. – Значит, не сердитесь. Вы хороший. Знали бы вы, как я боялась вам звонить...

– Я в курсе, – быстро сказал Михаил, опасаясь, что разговор может пойти по кругу. – Вам пришлось даже выпить для храбрости.

– Я пью не для храбрости, – Анна, видимо, приблизила трубку ко рту, и теперь ее голос звучал так громко и отчетливо, словно она сидела рядом. – Я пью для того, чтобы не сойти с ума окончательно. Но это практически не помогает, только на какое-то небольшое время...

Я пью для того, чтобы не сойти с ума окончательно... Окончательно!

Станет ли психоаналитик доносить на клиента, если узнает, что он совершил преступление?

Явный запах тайны...

В представлении Михаила тайны пахли как старинные книги и еще чем-то пряно-неуловимым. О, этот ларчик далеко не так прост, как казалось вначале! Богатая вдова ищет, в чью бы жилетку поплакаться! Как бы не так! Не стоит делать поспешные стереотипные выводы, поспешные выводы вообще ни до чего путного не доводят. Уж не убила ли Анна своего мужа? Навряд ли, убийца не станет обращаться к психоаналитику, во всяком случае, вскоре после убийства. Когда-нибудь потом – это да... Хотя не стоит мыслить стереотипами, Тамара тоже могла убить своего брата. Сама призналась в том, что ненавидит его до сих пор. Ясно только одно – обе дамы что-то скрывают, и эти тайны не лучшим образом сказываются на их психике. «Я пью для того, чтобы не сойти с ума окончательно» – каково? А что пьет Тамара? Хотя, если судить по голосу, то Анна была далеко не так пьяна, как хотела изобразить. Если вообще была пьяна. Нет, вся эта история явно обещает быть интересной... Чем удивит Тамара в понедельник?

За время, прошедшее с их последней встречи, Михаил вспоминал Анну несколько раз. С удовольствием, так, как положено мужчинам вспоминать красивую женщину.

– Ханжа ты, братец-кролик, – сказал самому себе Михаил, снова берясь за книгу. – Прячешься за свою профессию, как за ширму, притворяешься, что ставишь долг выше личного, а на самом деле просто зарабатываешь себе невроз, чтобы было что потом предъявить коллегам...

Любой психоаналитик, если он, конечно, настоящий профессионал, обязан понимать и контролировать собственное бессознательное – свои чувства и реакции. Порой это удается сделать только с помощью кого-то из коллег.

А если это Она? Взяла и именно так вошла в твою жизнь? В качестве пациентки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.